

ЛАРИСА НОВИЦКАЯ

**Курорт Нилова Пустынь
и окрестности — целебное
и сакральное сокровище Бурятии**

Лариса Новицкая

**Курорт Нилова Пустынь
и окрестности – целебное
и сакральное сокровище Бурятии**

«Издательские решения»

Новицкая Л.

Курорт Нилова Пустынь и окрестности – целебное и сакральное
сокровище Бурятии / Л. Новицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596119-8

Книга посвящена курорту Нилова Пустынь и сакральной культуре Бурятии: тэнгрианству, шаманизму, ламаизму. Даёт рецепты тибете, рассказывает историю здравницы, побывавшей «диким курортом», курортом иркутской аристократии и интеллигенции, монашеским скитом и миссионерским станом, курортом общественного значения. Чтение книги погружает в уникальную атмосферу природы Ниловой Пустыни и её окрестностей, которая сама по себе способна дать духовное и физическое исцеление и обновление.

ISBN 978-5-00-596119-8

© Новицкая Л.

© Издательские решения

Содержание

КУРОРТ НИЛОВА ПУСТЫНЬ И ОКРЕСТНОСТИ – ЦЕЛЕБНОЕ И САКРАЛЬНОЕ СОКРОВИЩЕ БУРЯТИИ	6
ОТ АВТОРА	6
ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ БУРЯТ	9
Дошаманские верования	9
ШАМАНИЗМ В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ	17
Народная бурятская медицина	26
ЛАМАИЗМ БУРЯТ ТУНКИНСКОГО КРАЯ	27
ЛАМАИЗМ В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Курорт Нилова Пустынь и окрестности – целебное и сакральное сокровище Бурятии

Лариса Новицкая

© Лариса Новицкая, 2023

ISBN 978-5-0059-6119-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КУРОРТ НИЛОВА ПУСТЫНЬ И ОКРЕСТНОСТИ – ЦЕЛЕБНОЕ И САКРАЛЬНОЕ СОКРОВИЩЕ БУРЯТИИ

ОТ АВТОРА

В предгорьях Восточного Саяна, на самом краю Тункинской долины уютно устроился курорт Нилова Пустынь, славящийся своим радоновым источником, уникальным климатом и красотой окружающей его девственной природы. Тункинская долина тянется с востока на запад среди Саянских отрогов. С юга она отделена от Монголии мощным хребтом Саян. С севера и запада её прикрывает от ветров горная цепь Тункинских Альп с их остроконечными белоснежными вершинами. Водолечебница и пансионаты курорта построены в глубоком ущелье южного горного склона, на высоте 915 метров над уровнем моря. По ущелью несётся река Ихэ-Ухгунь. С огромной силой вырывается она из горного истока, бурлит и пенится, с грохотом огибая многочисленные валуны в своём русле. Наконец, немного успокоившись, впадает в Иркут. В недрах одной из прибрежных скал зарождается целебный радоновый источник-аршан. В далёком прошлом буряты и эвенки устроили здесь «дикий курорт». Почувствовав малейшее недомогание, боль в спине, суставах, конечностях или обнаружив на теле сыпь, они спешили к аршану за исцелением. Попросив у духа-хозяина источника разрешение на лечение и принеся ему в жертву ленточки и молочные продукты, они приступали к процедурам. «Ваннами» служили вырытые ямы, куда вода из аршана поступала по прокопанным каналам. Жили «курортники» в юртах, сдаваемых в аренду бурятами ближайших улусов.

Сейчас бальнеологический курорт Нилова Пустынь оснащён самым современным оборудованием. Но вода в ванны продолжает поступать непосредственно из природного радонового источника. «Её действие... достаточное мягкое, без серьёзных нагрузок по излучению. Поэтому любые риски переборщить исключены, – рассказывает в одном из интервью главный врач лечебницы Андрей Борисович Елтунов. – Прежде всего, надо понимать принципы воздействия радона. Он улучшает обмен веществ, оказывает противовоспалительное действие, способствует гармонизации нервной системы. Весь этот комплекс положительно влияет на организм, а значит, применяется при различных заболеваниях. Например, особенно полезна радонотерапия при дегеративных изменениях суставов, позвоночника, аутоиммунных, эндокринных и даже сердечно-сосудистых заболеваниях, а также при болезнях кожи, мужских и женских половых органов, профессиональных болезнях. В качестве профилактики подходит всем, так как всё живое нуждается в минимальных дозах ионизации, которые как раз и есть в радоновой воде». [53]

Процедуры в водолечебнице в сочетании с окружающей Нилову Пустынь природой священной Тункинской долины и Восточного Саяна создают уникальную атмосферу духовного и телесного исцеления и обновления. Даже если мировоззренческие или религиозные убеждения пациентов курорта из других регионов России не позволяют им погрузиться в мир бурятской сакральной культуры, уважительное отношение к ней, к местным обычаям и традициям так или иначе положительно действует на психику, налаживает гармоничное взаимодействие внутреннего и внешнего мира человека.

Саянские горы буряты называют Мундарга, что означает «родовое место предков, перешедшее по кругу в наследство следующим поколениям». Легенды рассказывают, как на вершины Тункинских Альп спустились с неба хаты, сыновья небесных божеств-тэнгэринов. С тех легендарных времён и по сей день народ долины и предгорий почитает пять Саянских вершин

и их хозяев-хатов, олицетворяющих культ предков. Жители улусов, располагавшихся прежде возле радонового источника, с древности поклонялись пяти священным вершинам и их хозяевам. Сначала как последователи тэнгрианства, культа духовного Неба. С XIII века – в качестве шаманистов. Пришедший в начале XIX века в Тункинскую долину буддизм ламаистского толка ввёл бурятские божества в свой пантеон, и в честь них ламы проводили молебны по буддистским обрядникам. Но, независимо от религии, суть обрядов, посвящённых хатам-хозяевам пяти горных вершин, оставалась неизменной: поклонение родовым предкам.

У бурят очень важна принадлежность к роду, и они прекрасно осведомлены о своей родословной. Роды хонгодор, булгат, шошолок, тэртэ, хурхут, хойхо хранят письменные и устные предания о своих самых далёких прародителях. Согласно древнему бурятскому мировоззрению, человек живёт на земле отпущенный ему срок, а затем уходит в мир предков, где существование вечно. Предки постоянно заботятся о потомках, а их небесные души-сульдэ являются оберегом всего рода, испрашивают для него благоденствие и защиту у небесных божеств-тэнгэринов. Ритуалы «угощения» предков, призывание их для участия в семейных праздниках – неотъемлемая часть жизни каждой бурятской семьи. Связь между поколениями рода устанавливается свадебным обрядом «басагани наадан», «праздник девушек». Молодёжь всю ночь веселится, водит хороводы вокруг костра, а рядом «пьют, едят и веселятся» родовые предки, наделяя новую семью плодovitостью и благополучием. [31, с. 56, 59] С культом предков связано поверье о «тэмдэг орохо» (проявление признака) – передаче телесных и духовных свойств и признаков со стороны предков своим кровным потомкам как по отцовской, так и по материнской линиям через одно или несколько поколений. [57, с. 73]

В тайге Саянских предгорий с бурятами соседствовали эвенки-хамниганы, выходцы из Монголии. Их потомки и сейчас живут в деревнях и сёлах Тункинской долины. Наряду с предками эвенки почитают духов-охранителей, среди которых главным является дух огня, глава семьи и рода. С огнём домашнего очага связано древнее дошаманское представление эвенков о реинкарнации: душа предка по прошествии положенного времени возвращалась в мир живых, через дымовое отверстие в чуме попадала в горящий очаг, а оттуда в одну из женщин рода. Не меньшим уважением пользуется дух тайги, от которого зависит успешная охота. Эвенки очень тесно связаны с природой, и их мировоззрение можно с уверенностью назвать «экологическим». Согласно ему, всё живое в созданном Творцом Буга мире имеет душу: и люди, и звери, и птицы. В свою очередь, явления природы, изготовленные людьми предметы и слова наделены живой силой мусун. Её ещё называют энергией движения. Реализуется экологическое мышление с помощью системы запретов «одё» и поведенческих традиций «иты».

Тункинская долина и Восточный Саян хранят память о мощных бурятских и эвенкийских шаманах. Они изгоняли из людей «вселившихся» злых духов, высасывали ртом «червяков-болезни», возвращали исчезнувшие души обрядом «призывание души». Методы лечения народных лекарей-эмчи с помощью лекарств животного и растительного происхождения были не менее действенными. Им на смену вместе с ламаизмом из Тибета и Монголии пришла тибетская медицина. Она приняла и переработала шаманские практики и лекарские рецепты, соединив их со своим тысячелетним опытом. Свою лепту в сохранение здоровья местных жителей внесли русские знахарки и знахари.

Теперь, уважаемые читатели, предлагаю совершить историко-этнографическое путешествие на курорт Нилова пустынь и по его окрестностям. Вы познакомитесь с обрядами и традициями бурятского и эвенкийского народов. Вам приоткроются некоторые тайны шаманских лечебных практик. Вы узнаете об основных принципах бурято-тибетской медицины и оздоровительных методах русских народных лекарей Тункинского края. Перед вами пройдёт вся непростая история здравницы. Она зародилась в 40-е годы XIX века как курорт иркутской аристократии и интеллигенции под названием Туранские горячие воды. (По названию казачьего

посёлка Туран в семи вёрстах от курорта). В 50-е годы того же века стала монашеским ски-том и православным миссионерским станом. В XX веке получила статус бальнеологического и климатического курорта местного значения. Сейчас здравница Нилова Пустынь уверенно обретает известность и славу на всероссийском уровне.

Книга воскресит память о людях, благодаря которым появился и развивался курорт: о начальнике Тункинского пограничного отряда, казаке-писателе С. И. Черепанове, о генерал-губернаторе Восточной Сибири В. Я Руперте, об архиепископе Ниле Иркутском. Она расскажет о выдающихся литераторах и учёных, посетивших Нилову Пустынь: о краеведе Н. С. Щукине, писателе-декабристе В. Ф. Раевском, академике-геологе И. О. Обручеве. Вы найдёте в книге отзывы о курорте иркутских врачей прошлого. Среди них – автор многочисленных статей по гигиене, инициатор создания городской санитарной службы Иркутска доктор М. Я Писарев; члены Восточно-Сибирского Общества врачей Т. К. Беляев и В. П. Никитенко, инспектировавшие Ниловские горячие воды в начале XX века. Книга познакомит с результатами исследований лечебных свойств воды Ниловского источника, начиная с 40-х годов XIX века и по нынешний день.

В последней главе книги «Курорт Нилова Пустынь – целебное и сакральное сокровище Бурятии» вы посетите буддистский дацан Бурхан-Баабай в трёх километрах от здравницы. Он возведён у подножия священной горы Хайрхан, на вершине которой обитает хранитель и защитник Тункинской долины хат Шаргай-Нойон, ставший в буддизме Бурхан-Баабаям. В этом удивительном месте тесно переплетаются буддизм, шаманизм и тэнгрианство. Ламы проводят в дацане службы, посвящённые буддистской ипостаси хата, Бурхан-Баабая. А местные старейшины совершают на вершине Хайрхана молебны и жертвоприношения в честь Шаргай-Нойона, дошедшие со времён тэнгрианства.

В дацане каждый восьмой день лунного месяца проходят молебны-хуралы в честь Орошо, Будды Медицины. Здесь можно получить консультацию у ламы-врача и ламы астролога. Служители дацана имеют непоколебимое убеждение, что Бог для всех один, только молятся ему в разных религиях по-разному. И, независимо от вероисповедания человека, ему окажут помощь в восстановлении духовного, ментального, телесного здоровья и жизненной силы.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ БУРЯТ

Дошаманские верования

Вечное Синее Небо. Тэнгри и тэнгэрины

В Тункинской долине, в окрестностях Ниловой Пустыни, живут бурятские роды хонгдор, булгат, шошололок, тэртэ. Каждый из них имеет свою историю, свои легенды. Но на уровне этнической памяти все они сохранили самую древнюю веру в Высшее Духовное Небо, Тэнгри. Бурятский язык относится к монгольской группе языков, и на древнемонгольском слово «тэнгри» означает «небо, гений неба, могущественное божество, источник души, вечный и правосудный правитель мира». «Небо... видит все поступки и помыслы человека, который никогда не может укрыться от небесного правосудия; от того монголы, чувствуя правоту, восклицали: «Небо, ты ведай! Небо, ты будь судьёю!», – писал Д. Банзаров (1822—1855), первый бурятский учёный-востоковед, получивший научную степень. Он в 1846 году защитил кандидатскую диссертацию «Чёрная вера или шаманство у монголов». [17, с. 9—10] Согласно тэнгрианству, человеческая судьба определялась Небом и божеством судьбы Тэнгэрин-Дзая. Хорошая судьба – это жизнь в согласии с законами Вечного Синего Неба. Если человек глупыми и безответственными поступками нарушал гармонию, то делал несчастным себя и ставил под угрозу всё мироздание. Следовательно, каждый нёс ответственность за благополучие и благоденствие мира.

Но что же происходило до появления Тэнгри, Вечного Синего Неба? В изначально далёкие, древние и прекрасные времена, когда небо было покрыто туманной дымкой, а земля была залита водой, когда не было солнца и луны, не было воздуха и звёзд, появилась преисполненная великой силы и мощи Старшая богиня-мать, Эхэ-Ехэ-Бурхан, Творец Всего Сущего. Старшей богине-матери вскоре стало очень скучно в одиночестве и безвременье. Она принялась создавать начало и конец, небо и землю и всё, что на земле, Солнце и Луну. Затем Эхэ-Ехэ-Бурхан родила от Солнца и Луны по дочери. Позже от солнечной дочери родилось 9 сыновей и 9 дочерей. От лунной дочери родилось 13 сыновей и 9 дочерей. [105, с. 105]

Постепенно небесная божественная семья, тэнгэрины, разрослась до сотни. К тэнгэринам относились и Ирен юсун сульде, 99 духов, господствовавших над горами, лесами, реками, зверями. Все они благожелательно относились к людям, покровительствовали им. Старшим считался Асараги-Тэнгэри, заботливый хранитель человечества, покрывающий мир огромным шатром. Остальные 99 подчинялись ему. Тэнгэрины воплощали энергию Неба, но уже видимого. Они сделали человека связующим звеном между небесным и земным мирами и установили законы, по которым людям следовало жить. Божества следили за тем, чтобы жизнь на земле не нарушалась злыми духами и людскими конфликтами, чтобы земля приносила плоды, а в охотничьих угодьях имелось много зверья. Тэнгэрины дарили людям удачу и берегли их от преждевременной смерти.

Сначала все 100 тэнгэринов, олицетворявших 100 небес, жили в мире между собой. «Их жизнь ничем не отличалась от жизни богатого бурята», – писал М. Н. Хангалов (1858—1918), школьный учитель, первый бурятский исследователь-этнограф, собиратель фольклора, постоянный сотрудник Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, автор многих трудов по этнографии бурят. [1, с. 2] Главное богатство заключалось во владении домашним скотом и многочисленными табунами лошадей. Каждый тэнгэри имел жену и множество детей с преобладанием сыновей. Но после смерти старейшины Асараги-Тэнгэри у 99 небожителей произошёл разлад. На западе жили 54 старших солнечных тэнгэрина, а на востоке 44 лунных тэнгэрина, и не было ещё их деления на «добрых» и «злых». Самый всесильный чародей, Тэнгэри-Сэгэн-Сэдбек, Голубое Небо Прозрачной

Чистоты, не принадлежал ни одной из групп и представлял собой границу, обо. Восточные тэнгэрины попросили уступить им эту границу. Но западные отказали им в просьбе и присоединили Тэнгэри-Сэгэн-Сэдбэка к себе. Так стало 55 западных тэнгэринов.

Тогда восточные тэнгэрины под предводительством Атаа-Улана, Красного Духа Зависти и Соперничества, восстали. Но силы западных тэнгэринов оказались сильнее. Атаа-Улан был побеждён, а его расчленённое тело сброшено на землю. 44 восточных тэнгэрина на совете постановили истребить людей и зверей, распространить яд и уничтожить всю земную растительность. Силой колдовских чар женского божества, бабушки Маяс-Хара, из останков Атаа-Улана появились болезни и прочая нечисть, в том числе 13 чудовищ, которые не смыкают глаз и поедают всё живое на земле. Так 44 восточных тэнгэринов распространили зло на земле. [105, с. 114—115]

Покровителями и защитниками людей остались западные тэнгэрины. Наибольшим уважением пользовался глава западных тэнгэринов Эсегеэ-Малан-Тэнгэри, божество ясного неба. Тэнгэринов-хранителей имел каждый бурятский род. Божественного небесного покровителя тункинских булгат звали Будургуй-Сагаан-Тэнгэри, а божественного небесного покровителя тункинских хонгодор – Ураг-Сагаан-Тэнгэри. Буряты до сих пор верят, что существует Дверь Неба, которую изредка открывают тэнгэрины. Когда дверь открыта восточными тэнгэринами на восточной или северо-восточной стороне неба, то из неё льётся красный свет. Это худо для людей. Восточные тэнгэрины смотрят на землю и посылают людям несчастья. Человек, увидевший такую дверь, будет несчастлив. Дабы избежать проблем, нужно сразу сказать заклинание:

«Ши урба хада
Би урба хаб!
Шини хорбо хада,
Би хорбо хоб!»
«Если ты выворачиваешься,
И я выворачиваюсь!
Если ты изменяешься,
И я изменяюсь!» [110, с. 9]

Сказав заклятье, следует снять с себя шубу, вывернуть её вверх шерстью, снова надеть и продолжать путь.

Западные тэнгэрины открывают дверь на южной или западной стороне. Тогда из неё льётся белый свет. Западные тэнгэрины смотрят на землю и посылают людям счастье и богатство. Если человек увидит, что небесная дверь открылась на южной или западной стороне, то это хороший знак. Стоит ему что-нибудь попросить, и его просьба обязательно исполнится. [Там же]

Хаты и нойоны

Дети тэнгэринов, небесные существа хаты и нойоны, заняли вторую ступеньку божественной иерархии. Они сошли с неба, поселились на вершинах гор и оттуда наблюдают за людьми, помогают им. Почтительное отношение к хатам проявляется в обращении к ним словом «баабай», отец. Один из хатов, Буха-Нойон-Баабай, Бык-Господин-Батюшка, стал отцом-предком рода булгат. Вот что рассказывает легенда: «Шёл из Монголии монгольский бык Буха-Нойон навстречу своему противнику, русскому Буха-Нойону, направлявшемуся со стороны Иркутска. Быки намеревались сразиться, чтобы определить, кому владеть всей страной. Монгольский Буха-Нойон дошёл до Култуковских гор, но, не встретив своего противника, повернул обратно, в сторону Мундарга. По дороге, где он проходил, от его выделений выросли пихтовый лес и верес. Поэтому эти растения считаются священными и употребляются во всех обрядах и для очищения. Дочь местного князя, увидав Буха-Нойона, забеременела

от его взгляда. (В другом варианте легенды – от его мычания). Спустя 9 месяцев она родила сына Булгата, от которого произошли все буряты племени Булгат.

Буха-Нойон решил отдохнуть и лёг на берег реки Иркут возле села Гужир. Там он окаменел, превратившись в гору. Эта гора называется Бычьей. Голова Буха-Нойона на правой стороне Мундарга, в 10 вёрстах от Бычьей горы, образовала скалу с двумя вершинами белого цвета, похожими на рога быка». [1, с. 3] Бык-Господин-Батюшка стал земным божеством, покровителем скотоводства (с ним связаны животные белого цвета), хорошего урожая, роста сочной травы, рождения здоровых детей. По сей день он обеспечивает благоденствие и защиту своему народу. А Белый камень, как называют скалу в виде рогов, одно из сильнейших сакральных мест Тункинской долины.

Кроме Буха-Нойона-Баабая тункинские буряты поклоняются Шаргай-Нойну, воину-батору, покровителю и защитнику людей от зла, примирителю враждующих между собой западных и восточных хатов. Его место обитания находится на левом берегу Ихэ-Угунь, на вершине песчаной горы Хайрхан, что в переводе с бурятского значит «Всемиловитый». По легенде великий Шаргай-Нойон, умеющий облететь землю за один день, явился с юга на соловом коне, вооружённый саблей, луком и стрелами, в сопровождении ещё четырёх скакунов. Он опустился недалеко от села Туран и омылся в горячем аршане. Затем хат стал искать себе достойное место для проживания, и его взгляд упал на необычную гору Хайрхан почти без всякой растительности. Только на самой её вершине рос сосновый лес. Шаргай-Нойон пустил своих коней вскачь, и те искромсали всю гору копытами так, что до сих пор на ней виден белый песок. Обосновавшись на Хайрхане, хат-воин стал защищать долину с запада, помогая в этом важном деле Буха-Нойону, оберегающему её с востока. Шаргай-Нойон – главное божество Тункинской долины, а также покровитель воинов и борцов. Впрочем, по одному из преданий Тункинского края, Шаргай-Нойон был реальным человеком, князем-воином, родившимся в Монголии. После долгих скитаний он пришёл к Турану, омылся в горячем источнике и обосновался в этой местности. [61, с. 97]

В пятёрку великих хатов долины входят Улаани-Хада, Хэрэней-Тэбхэр и Бурин-Хан. На вершину Тункинских гольцов также спустился божественный кузнец Божинтой. Хотя Божинтой потом снова вернулся на небо, но его девять сыновей и одна дочь продолжили дело своего отца. А тункинские кузнецы считались самыми сильными и умелыми во всей Бурятии. [108, с. 335]

Кроме «великой пятёрки» о жителях долины заботятся божества, призванные на служение Шаргай-Нойоном. За браки, свадьбы и семейную жизнь отвечает белоголовый старик Тулма-Саган-Нойон. На каждой свадьбе его роль выполнял специальный человек, благословлявший молодых. Держась за руки, молодожёны совершали обход вокруг юрты, а над их головами гости несли огромный платок. Потом процессия останавливалась возле «Тулма-Саган-Нойона», а он благословлял жениха и невесту на счастливую жизнь и большое потомство. Детям покровительствовал Хэрмэн-Нойон. Ему и его жене Булгаши-Хатун родители малышей посвящали беличью шкурку, вывешенную у дымового отверстия юрты. Шкурку украшали цветными лентами и приносили жертву курунгой, кисломолочным напитком.

Тайлаганы – молебны хозяевам горных вершин

Молились хатам и приносили им жертвы на торжественных молебнах-тайлаганах. В них участвовали только мужчины. У богов просили благополучие года, хороший урожай и травостой, умножение скота, удачу на охоте, счастье в семьях, удаление несчастий. Рано утром перед тайлаганом совершался обряд очищения огнём и проводился ритуал возлияния тэнгэринам молоком, «сасали бариха». Белый цвет молока сделал этот напиток сакральным, имеющим свойства давать благо и уничтожать зло. Молоко всегда приносилось в жертву добрым божествам. На краю улуса разжигали костёр и в нём очищали всё приготовленное для жертвопри-

ношения. Потом участники молебна очищались сами и брызгали молоком вверх по ходу движения солнца. Оставшееся молоко вместе с чашкой бросали вверх на восток. Падение чашки на землю дном вниз означало счастливую общую судьбу, а падение дном вниз – плохую судьбу. При неблагоприятном предсказании бросали чашку в обратном направлении, дабы устранить его и добиться благоприятного воздействия на судьбу. [57, с. 72] Затем, помолившись, продолжали путь к месту проведения тайлагана.

Перед началом молебна одетые в белое девять юношей, вооружённых луками и колчанами со стрелами, на девяти белых лошадях девять раз стремительно девять раз объезжали гору-местопребывание хата, в честь которого проводилось торжество. Тункинские хаты предпочитали животных белой масти, поэтому в жертву им приносили восемь белых баранов и необъезженную здоровую молодую белую лошадь. Забой совершался посредством разрыва рукой грудобрюшной преграды. Душа жертвенного животного, находившаяся в его груди, не успевала испугаться и «освобождалась». Впоследствии она обростала скелетом, мускулами и служила постоянным источником воспроизведения домашнего скота. [57, с. 81] Шкуру вывешивали на шесте головой вперёд, на юг. Голову, ноги, внутренности складывали на жертвеннике, сооружённом из сосновых поленьев. Всего ставилось девять таких жертвенников. На них сжигали кости животных. Мясо варили в девяти котлах. Перед сжиганием костяка животных череп покрывали куском овечьего курдюка. Обряд совершали девять родовых старейшин, которых в Тункинском крае называли «хада тахигша», «совершающий жертвоприношение хатам, хозяевам гор». Один из старцев был главным. Во время моления он пользовался опахалом из ветки пихты с привязанными к ней белыми лентами. Старик обращался к богам с молитвой и после каждого призыва восклицал: «Сог!» (сог – «принимай молитву, принимай жертвоприношение»). Другие восемь стариков вторили ему и брызгали вверх к небу молоком, маслом, чаем. После молебна устраивалось пиршество. Участники тайлагана вынимали из котлов «освящённое» мясо, раскладывали его на большие блюда, сытно наедались, а оставшиеся куски уносили по домам. [31, с. 83] Женщины на тайлагны не допускались. В день молебна они устраивали свой собственный женский тайлаган в честь Уураг-Сагаан-Тэнгэри, Молочно-Белого Небожителя, покровителя молочного скота. В жертву ему приносили молоко, пенку и саламат (сметана, сваренная с мукой).

С небожителями-тэнгэринами и их сыновьями-хатами связаны обряды, проводившиеся в ситуациях, когда жизни всего сообщества угрожала опасность. Они представляли собой мощные общественные молебны-обращения к божествам от имени большого количества людей. На общественные молебны съезжались представители многих родовых улусов. Сохранившиеся записи начала XX сообщают, что цель этих молебнов состояла в защите исконных бурятских земель от промышленников и купцов, захватывающих пастбища, устраивающих железные рудники и каменоломни на священных для бурят территориях. Исполняли подобные обряды уже не простые старейшины, а жрецы, наделённые от рождения даром пророчества и ясновидения. В древности их называли Призывателями Неба. Они умели предсказывать будущее и понимать тайные закономерности жизни; «знали», что делается в других мирах, и находились одновременно в нескольких измерениях.

Известная бурятская исследовательница религий, буддолог, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН Ирина Сафроновна Урбанаева пишет о силе подобных молебнов: «Каким образом наши предки открыли для себя действие *тонких* закономерностей и научились использовать их, создавая свою традиционную систему защиты жизни – это предмет особого изучения. Когда эта традиционная оккультная система срабатывала, результат бывал, как правило, поразительным. Поэтому и сами бурят-монголы, и русские переселенцы очень боялись вызвать гнев бурятских богов. Буряты старались не злоупотреблять оккультными возможностями, которые были в их распоряжении». [104, с. 266]

Культ обо

Обо (обоо) в переводе с монгольского языка означает «куча, груда, сопка, где совершаются религиозные обряды». Обо, являясь святилищем и местом обитания божества-хозяина местности, воздвигалось в её самой характерной точке: на высокой горе, на берегу озера, в степи. В каменную груду втыкали шест с навешанными лоскутками ткани и конским волосом. Хозяева обо охраняли свою местность, покровительствовали ей. Они обеспечивали счастье живущих там людей, отводили от них злых духов и болезни, увеличивали поголовье стада, обеспечивали богатство.

Обряды, проводимые в честь обо, были индивидуальными и коллективными. «Обо делали большей частью при дорогах, для того, чтобы всякий проезжающий мог положить на него какую-нибудь вещь; например: волос из гривы коня, как жертву богу, пребывающему в обо, чтобы снискать его покровительство в предстоящем путешествии», – описывал Д. Банзаров индивидуальное жертвоприношение божеству-хозяину обо. [17, с. 18]

Коллективные обряды представляли собой торжественные благодарственные молебны в честь хозяев обо, проводимые старейшинами. Люди вместе молились, пели торжественные гимны в честь хозяина местности, совершались жертвоприношения. Затем устраивалось народное гуляние, в котором принимали участие и женщины. Оно включало соревнования по борьбе, стрельбе из лука, скачкам и исполнению кругового танца ёхор. Ёхор – это огромный хоровод, движущийся в определённом ритме по ходу солнца под обрядовые песни. У песен множество куплетов, где перечисляются священные места Бурятии, её божества и природные силы, прародина и первопредки бурятского народа. Танец начинают почтенные люди из стариков и старух. Затем к ним присоединяются люди среднего возраста и молодёжь. Исполнение ёхора продолжается в течение восьми ночей и создаёт мощную защиту месту, где он проводится, танцорам и всем участникам торжественного молебна.

Ухат-Хан – цари морей, озёр и рек. Почитание воды

В систему мировоззрения бурят входило поклонение божествам водного пантеона Ухат-Хан. Жители улусов вблизи реки Ихэ-Ухгунь совершали жертвоприношения хозяину порожистых рек Улан-Зала (Красная Кисть). Жертвы хату реки приносили рыбой и тарасуном, молочным спиртным напитком, в течение всего года. Перед переходом в летники ему возливали или брызгали тарасун, ожидая за это большой милости. По легенде, водные божества спустились с северо-западной части неба по синим и красным лучам. Они живут в глубоких водах и не относятся ни к западным, ни к восточным хатам. Во главе Ухат-Хат стоит супружеская пара, хат Уха-Лобсон и его жена Уха-Дабан. Божественные супруги властвуют над водной стихией и защищают людей от злобных водных духов ухани-бохолдой и ухани—эжин. (В славянской мифологии им соответствуют водяные и русалки).

Минеральные источники-аршаны буряты называют особым даром Божьим, целительным нектаром. Их хозяева «юноши гибкие и стройные, как тростник, и девы с волосами, как лошадиные гривы, с 9 нитками, сделанными из травы, из болотных кочек бичами». [1, с. 14] Горячий источник, вытекавший из скалы в реку Ихэ-Ухгунь, тоже имел своего хозяина. Дух-хозяин охранял его и поддерживал целительную силу воды. Возле источника стояло обо, и буряты обязательно перед приёмом ванн, проходя или проезжая мимо, брызгали на него молоком.

С водой связано происхождение бурятского рода хонгодор, чьей прародительницей и тотемом была женщина-Лебедь. «В древние времена, – рассказывает легенда, – один охотник ходил по тайге. Славные три девушки, дочери Хурмусты-Тэнгэри, превратившись в лебедей, спустились на землю и купались в золотом озере. Охотник, увидевши их, выкопал на берегу озера яму и спрятался в ней. Потом, укравши одежду одной из трёх купавшихся девушек, всех их испугал. Те стремительно выскочили из воды. Две из них, надевши свои одежды, вознес-

лись, а третья, нагая, не могла подняться. Охотник взял её к себе домой и сделал своей женой. Крылатую одежду жены он спрятал далеко-далеко: над дымовым отверстием в юрте сделал железную решётку. Так жили они много лет, прижили тринадцать детей. Жена всё просила свою одежду, но муж не отдавал. Однажды жена говорит мужу: «Теперь у нас столько детей. Куда я денусь? Для чего ты прячешь мою одежду?» Он согласился и принёс ей одежду. Облечившись в эту одежду, жена залезла на полку в юрте и спрашивает: «Как я хороша?» Муж говорит: «Старуха стала, не охорашивайся». Забравшись на дымовое отверстие, жена опять спрашивает: «Как я хороша?» Муж говорит: «Нечего охорашиваться. Ты уже дряхлая!» Тогда та говорит: «Итак, прощай! Я была небесного происхождения, а ты земного. Я отправляюсь к себе домой. Один из твоих сыновей будет шаманом и одна дочь – шаманкой. Только не корми их селезёнкой». С этими словами она улетела. Потомки их до сих пор не стреляют лебедей и не едят селезёнки. [96, с. 126] Действительно, хонгодоры, считая свой род небесного происхождения, а себя людьми чистыми, до сих пор не едят внутренности животных и птиц.

Эжины

На третьей ступени бурятской дошаманской божественной иерархии стоят эжины – дети и внуки хатов, хозяева отдельных местностей и природных объектов. (Эжин, эджин в монгольских языках означает хозяин, владелец, обладатель). Хозяином всей земли, плодородия и долголетия был эжин Сагаан-Убугэн. Хозяином пёстрой тайги – Зэрлик-Нойон. Зэрлик-Нойон также покровительствовал заали, верёвке из белого конского волоса, в которую на одинаковом расстоянии друг от друга вплетались сначала белые и чёрные, а позже разноцветные тесёмки. Заали отпугивала злых духов и зло, как таковое. Её натягивали между берёзками на тайлаганах, вывешивали перед дверями юрты или у входных ворот во дворе дома с новорождённым. С Зэрлик-ноёном связан обряд «залма», привязывание лоскутков материи во время жертвоприношений.

Большим почётом пользовался эжин тункинской тайги, или северный Хойтинский хангай. [1, с. 20] Хойтинский хангай установил правило бережного и уважительного отношения к деревьям, особенно к лиственницам. Согласно поверью, лиственницы связаны с жизненностью человека. Рубить лиственницу означает укорачивать свою жизнь. Даже на зиму жители долины не заготавливали дрова, а собирали для топки валежник и сухостой. Подобным уважением пользовались «вечные деревья» кедр и ель. [31, с. 30] Жители долины чтили эжина Тунки Китаран-Зарина, эжина реки Иркут Эмнэк-Саган-Нойона, хозяина посёлка Туран Тульма-Сагаан-Нойна. Эжинам брызгали молоко или тарасун, оставляли монетки. О местонахождении эжина сообщало обо.

Различные предметы, изготовленные руками человека, тоже могли иметь своего хозяина-эжина. Чаще всего это были ножи, стрелы, луки, хранившиеся в доме больше трёх поколений. О наличии у предмета духа-хозяина свидетельствовало издаваемое им бречание, свист и другие звуки. С такими предметами следовало обращаться очень осторожно, не замахиваться ими даже в шутку. Нож с эжином мог сам вонзиться в человека, а лук – сам выстрелить.

Почитание Матери-Земли

Буряты называли землю «дэлэхэй дайда», что значит необъятная, обширная и бескрайняя. Сущность Земли воспринималась как Мать, женское начало, дарующее форму. Богиней земли была великая Этуген. Только Небо было выше её. Богиню Этуген буряты воспринимали как кормилицу всех живущих на земле существ, дарительницу всего, что составляет человеческое материальное счастье. «Алтан дэлэхэй», «золотая земля», – говорили они. Богине приносили жертвы кумысом, молоком и чаем. Живущий в Тункинской долине род хонгодор представлял себе Этуген обитающей внутри земли старушкой-бабушкой, дающей людям богатство и плодородие.

С Землёй связан древнейший культ Матери-Умай, означающий женский детородный орган. «Мать-Умай», «мать золотая утроба», – величали её буряты. [61, с. 157] С Матерью-Умай связано поклонение пещерам, которые так и называются: «эхын умай», материнское чрево. Когда женщине не удавалось забеременеть, она шла в пещеру. Там она молилась до тех пор, пока в ладони не падал маленький камешек, символизовавший будущего ребёнка. Женщина проглатывала камешек, что означало впитывание в себя «сулдэ», жизненной силы желаемого малыша. Согласно древней вере, «сулдэ», или жизненная сила, всегда приходила извне и «внедрялась» в женщину. Некоторые роды тункинских бурят ездили специально за 180 вёрст в Монголию на поклонение пещере Даян Дэрхи в Хубсугульском аймаке. Перед входом в пещеру лежала каменная плита. На ней жрец-служитель приносил в жертву привезённых паломниками баранов. После жертвоприношения паломники проползали через «эхын умай», узкий вход пещеры. Данный обряд обеспечивал здоровье, богатство, многодетность как женщинам, так и мужчинам.

Культ огня

По легенде огонь зародился при отделении неба от земли, и его божеством была богиня Ут, подательница счастья и богатства. Ей поклонялись все монголоязычные народы. К отличительным свойствам Ут относились чистота, могущество, способность очищать и наделять своей чистотой. Огонь покровительствовал каждой юрте, представляющей собой центр Вселенной. Очаг всегда располагался в её середине. Столб дыма, поднимающийся из очага и уходящий в кольцо-отверстие вверху юрты, символизировал собой Мировое дерево. По твёрдому убеждению бурят, дом без огня не достоин проживания в нём человека. Самая страшная клятва до сих пор звучит так: «Пусть потухнет мой очаг!» Богиню Ут воспринимали, как хозяйку дома. Каждый желавший вступить в семью должен был поклониться ей, попросить позволения и поручить себя её покровительству. [17, 23]

Постепенно вместе с поклонением великой богине Ут сформировался культ эжина огня Гал-Заяши. Гал-Заяши являлась созидательницей огня и попечительницей домашнего очага. Совершали обряды в её честь жрицы-утэгэн. Позже, с появлением шаманизма, слово «утэгэн» начало означать шаманку. Стихия огня олицетворяла женское начало, была источником плодородия, богатства. Очаг, где горел огонь, служил местом обитания, хранения и дарования жизни, жизненной силы детей и животных. В бездетных семьях проводили специальное «угощение огня», после которого, согласно поверьям, обязательно рождался ребёнок. «Угощали огонь» следующим образом. Возле очага устанавливали «иву огня», украшенную лоскутками. Жрица-утэгэн «кормила» огонь маслом и при этом повторяла слова: «Сыновья огня, ешьте, пейте. Великий очаг огня, великая созидательница судьбы, ниспосли от своих детей, множество которых прогибает огонь, выдели от своего богатства, несметность которого прогибает землю». В это время супруги, желавшие иметь ребёнка, красиво одетые, стояли возле очага. Муж имел при себе нож в ножнах, а жена держала свёрток, имитирующий ребёнка. В свёрток клали серебряные монеты. Хорошей приметой считалось, если на одежду супругов во время обряда падали угольки. Сколько угольков упало, столько детей будет в семье. [31, с. 42—43]

С развитием патриархата роль хозяина огня у западных бурят была отдана Сэхядай-Убэгэну, младшему сыну великого Эсэгэ-Малана-Тэнгэри. Хозяина огня представляли седовласым стариком-дедушкой, добрым и светлым покровителем семьи, защитником от злых духов. Огонь приносил семье и роду богатство, удачу, счастье. Чтобы всё плохое обходило дом стороной, а богатство вырастало, хозяин дома каждый день угощал огонь первой нетронутой каплей молока и чая, первым кусочком пищи. В честь огня хотя бы раз в год семья проводила большое торжественное моление «гал тахилга». Причём, сам домашний огонь особыми звуками указывал, когда пришло время молебна.

Сохранение огня считалось гарантией продолжения рода. Перекочёвывая с зимника на летник или переезжая на новое местожительство, буряты всегда «кормили» старый очаг, объясняли хозяину огня причину отъезда, просили сопутствовать им, затем забирали из него несколько угольков. На новом месте «угощали» огонь нового очага маслом, поили его чаем. В основе этого обряда лежал древний способ сохранения вечного огня рода брызганьем в него маслом и жиром. [57, с. 38] При отъезде очаг требовалось оставлять горящим. Входить в оставленную прежними жильцами юрту, где ещё горел огонь, строго запрещалось. В огонь возвращалось бросать мусор, плевать, кидать острые предметы. Нельзя было садиться, вытянув к огню ноги. В случае осквернения огня сразу же совершали очистительный «гал тахилга». Под таганом убирали золу и насыпали чистый песок, разводили огонь, клали на него обёрнутую внутренним жиром грудную кость барана и долго ожидали, пока она прогорит. Затем совершали возлияние огню маслом и чаем, читая при этом молитвенный текст, прославляющий огонь.

Огонь имел способность освобождать от вредных мыслей и дел, от злых духов, поэтому буряты постоянно проводили ритуал очищения огнём. Люди и животные проходили между двух огней, а вещи и продукты питания проносили между ними или держали над костром. «Дурные» вещи подвергались сожжению. Вместе с огнём для очищения использовали дым священных растений, пихты и вереса. Проезжая по священным местам, буряты окуривали себя и лошадей дымом пихтовой коры, вереса, можжевельника. В дом с новорождённым гостем всегда приходили, взяв с собой несколько маленьких поленьев. Их клали в очаг, тем самым очищаясь от опасностей, которые могут повлиять на здоровье младенца. Если в юрте начинал плакать ребёнок, значит, в неё забрался злой дух. Тогда совершали обряд «таримдаха». Его мог провести любой человек. Брели из очага или печи раскалённый пепел и разбрасывали по кругу, заканчивая разбрасывание возле двери. Пепел падал дождём из огненных искр, и дух, испугавшись их, убегал из жилища.

Культ лошади, «дальта морин» и сэргэ

Буряты не представляли свою жизнь без лошади. Она давала мясо, кожу и волос, молоко для кумыса. Конь был связан с военным делом. Бурят без коня не считался человеком и делался никому не нужным. Бурятским богам тоже требовались лошади: для пищи, для езды и участия в ратных битвах. Поэтому коней приносили им в жертву чаще, чем прочих животных. Считая коней существами небесного происхождения, перед жертвоприношением у них просили прощения и объясняли, что их настоящее место на небе. Бурятское предание рассказывает: «В прежние времена были крылатые кони, „дальта морин“. Они имели крылья, невидимые для человека; они были видны, только когда конь спал. Тогда эти крылья растопыривались, как будто конь хотел летать. Только в это время и мог их видеть человек. Когда человек видел крылья коня, конь пропадал. Крылатый конь на бегу был очень быстрый и мог далеко бежать». [110, с. 17] В легендах «дальта морин» исполняли сокровенные желания людей, защищали и спасали их. Вплоть до середины XX века сохранялись рассказы о лошадях, после смерти которых под шкурой обнаруживались крылья.

Магическая сила приписывалась и обыкновенным лошадям, воплощающим добро и свет. У них из ноздрей пышет невидимое пламя, а из-под копыт вылетает невидимый огонь и устрашает злых духов. Когда злые духи преследовали человека, то его душа пряталась в гриве лошади. Если духу удавалось похитить человеческую душу, то лошадь тут же отправлялась в погоню за похитителем. Место стоянки скотоводы всегда окружали верёвкой, сплетённой из конских волос, дабы обезопасить себя от змей, символизировавших злые силы.

К лошадям буряты относились с огромной любовью, никогда их не били и не ругали. Когда требовалось убить лошадь, то ей завязывали глаза. Наиболее священной считалась голова лошади. Её запрещалось рассекать, поэтому голову варили целиком. Череп коня вешали высоко на жердь, оставляя нетронутыми нос и губы животного. Священной была и моча

лошади, уничтожающая всех злых духов. Там где лошадь помочилась, разрешалось ставить юрту или строить дом.

Около каждого бурятского жилища и в местах обитания эжинов традиционно ставится коновязь-сэргэ, столб, символизирующий мировую вертикаль и объединяющий все существующие миры Вселенной. На сэргэ делаются зарубки для привязывания лошадей жителями разных миров. Коновязь сооружают в правой мужской части подворья сразу же после постройки дома (юрты), в южном направлении от входа в него. По сэргэ к людям сходит благодать божественных небесных тэнгэринов, а духи предков из нижнего мира посредничают в её получении. В прошлые времена, если мужчина оставался бездетным, и некому было наследовать его сэргэ, то буряты говорили: «Его сэргэ не существует!», что означало исчезновение рода.

В Тункинском крае человек и конь рассматривались, как одно целое. Причём, это относилось как к мужчинам, так и к женщинам. Поэтому здесь устанавливали двойные сэргэ, два коновязных столба, соединённых двумя перекладинами. К верхней перекладине привязывали своих лошадей гости-мужчины, а к нижней перекладине – гости-женщины. [41, с. 51]

Семейные обряды

В течение годового цикла семьи совершали обряды почитания своих предков и ритуалы в честь домашних эжинов. Старшие знатоки традиций, дедушка или бабушка, проводили возлияние богам и очищение огнём, «кормили» эжинов, устанавливали табу. Также они руководили обрядами, связанными с семейными событиями. К ним относился магический обряд ограждения новорождённого от злых духов. Забивали барана для мальчика и козу для девочки. Очищали от нечистот рубец животного, прорезали в нём дыру и через неё трижды пропускали младенца. Потом малыша обмывали водой. Рубец жарили, и семь почтенных старух съедали его кусочки. Следующим действием было символическое «избиение» новорождённого четырьмя копытами жертвенного животного с привязанными к ним ветками шиповника и шёлковыми нитками. После чего читались заклинания, чтобы малыш никогда не плакал, не рыдал, а скорее вырос. В конце обряда подвешивали над дверью юрты копыта жертвенного животного с ветками шиповника для устрашения злых духов. [57, с. 65]

Весной или в начале лета, после отёла коров, каждая семья совершала благодарственное возлияние «первый котёл» божеству молочного стада. Один из почтенных стариков улуса приходил в юрту и окроплял домашний очаг тарасуном первой выгонки. Потом хозяйка вымывала у местных божеств гор и рек, у божества домашнего очага, у духа-покровителя молочного стада хороший травостой, жирность молока, упитанность телят. В начале зимы семьи проводили жертвоприношение хозяину скотного двора и столбов изгороди Баханайн-Эжину. Обряд совершал уважаемый в улусе старик и три его помощника. Поскольку дух-хозяин скотного двора отличался большой пугливостью, то обряд проводился ночью при свете костра, а молитвы произносились шёпотом. Старик-руководитель обряда шептал молитвы, а его помощники на каждый столб дворовой изгороди укладывали молочные продукты.

ШАМАНИЗМ В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ

Бурятские шаманы и их происхождение

Согласно мнению историков, с III в. до н. э. на территории нынешней Бурятии начал распространяться шаманизм. Отличительной чертой этой религии называют обожествление сил природы и умерших предков. Согласно шаманизму, каждое явление и объект окружающего мира имеет собственную душу, а в окружающем человека пространстве пребывают многочисленные духи. Кроме того, существуют разные миры, населённые существами различного порядка. Эти миры, связанные между собой и влияющие друг на друга, составляют одно целое. Посредниками между людьми, духами и божествами являются шаманы. Они с помощью обря-

дов и ритуалов регулируют отношения между населением разных миров, поддерживают баланс во Вселенной, помогают людям жить в равновесии с природой, быть здоровыми и накапливать жизненную силу. Ёмкую характеристику шаманов дал известный российский и советский этнограф, создатель теории этноса профессор С. М. Широкогоров (1887—1939): «Способность воспринимать в себя духов имеют почти все люди. Но остаётся ещё категория людей, которые могут не только воспринимать в себя, но и подчинять себе духов, свободно распоряжаться ими, и при помощи этих духов могут *произвольно* отпускать из тела свою собственную душу (дух). Это и есть шаманы». [118, с. 60]

Шаманские мифы говорят, что шаманизм и искусство камлания существовали со времён сотворения мира. Камлание – это обряд общения шамана с духами ради достижения определённых целей. Создав людей, тэнгэрины наделили их радостной и счастливой вечной жизнью, без бед и болезней. Но затем люди впали в немилость восточных тэнгэринов, наславших на человечество болезни и смерть. Западные тэнгэрины, испугавшись за участь своих подопечных, решили послать к ним помощника-шамана. Так шаманские знания, умения и навыки перешли к особым людям, которых небесные божества выбрали в качестве посредников, обучили путешествовать между мирами, призывать богов и духов, совершать им жертвоприношения, проводить необходимые обряды и ритуалы, лечить болезни, открывать будущее. У большинства бурятских родов первым шаманом была птица. В роде шашолок, чьи шаманы считались самыми сильными в Тункинской долине, сохранилась легенда о первой шаманке, получившей дар от коршуна. «Тысяча небесных бурханов, сотворивши первых людей, приставили к ним караульного коршуна, чтобы он наблюдал за ними, – говорит легенда. – Если бохолдой (злой дух) вздумает сделать людям какое-то зло, чтобы пришёл и сказал им (бурханам) об этом. Коршун, кружась, сел на изгородь. Дети человека, хозяина изгороди, хотели застрелить его. Тогда коршун вернулся к бурханам и сказал: «Людей этих я не могу караулить, так как они хотят застрелить меня». Тогда бурхан говорит: «Сходи и передай кому-нибудь свою чудодейственную силу». Коршун, пришедши, увидел одну худую девушку, пасшую овец, увёл в лес на расстоянии трёх дней пути, усыпил её около свалившегося дерева, сам сел на дерево и передал этой девушке свою чудодейственную силу. Девушка, пробудившись, стала видеть бохолдоев и угадывать вперёд худое и хорошее. Когда она возвратилась домой, старший брат начал бить её и говорить: «Где ты пропадала с овцами трое суток?» Она обиделась на него и погрозила ему. Брат упал и захворал задержкою мочи. Худая девушка говорит ему: «Я тебя вылечу». Положивши его на белый войлок, внесли больного в юрту. Здесь она показала ему висевшие на столбе мужские половые органы и велела ему взять их. Тот, как только увидел и взял их, тотчас выздоровел. После этого худая девушка сделалась шаманкой. Утха (род) её – Шошолок. [96, с. 123—124]

Шаманские представления о сотворении мира и Эрлик-Хан

С распространением шаманизма у бурят появилась новая легенда о сотворении мира. Эсэгэ-Малан-Тэнгэри, решив создать место для жизни, очень опечалился, увидев, что перед его глазами расстились лишь воды океана. Тогда Царь мира мёртвых Эрлик-Хан превратился в утку, нырнул на дно океана, набрал в клюв немного земли и принёс ей Эсэгэ-Малану-Тэнгэри. Когда творение закончилось, Эрлик-Хан предъявил право на свою долю в созданном мире. Но Эсэгэ-Малан-Тэнгэри не захотел уступить ему даже небольшой клочок. Тогда Эрлик-Хан попросил дать ему ничтожный кусочек земли, который Творец придавил нижним концом своего посоха. Эсэгэ-Малан-Тэнгэри согласился. Эрлик-Хан вынул посох из земли, и из открывшегося отверстия полезли змеи, жабы, всякие гады, полетели осы, комары и мошки. Они заполнили всю землю, и люди до сих пор мучаются от их жал и укусов. Так Эрлик-Хан отомстил Эсэгэ-Малану-Тэнгэри за его несправедливость.

В шаманизме Эрлик-Хан – глава восточных хатов, обрывающий нить человеческой жизни. Его посланцы, чёрные всадники на чёрных лошадях, разъезжали по миру и ловили человеческие души. Попав в царство Эрлик-Хана, душа оказывалась в одной из его 88 темниц. Там её жестоко пытали и испытывали. У человека, чью душу похитили эмиссары Эрлик-Хана, начиналась болезнь, заканчивающаяся смертью. Бурятские шаманы, желая умиловить царя мира мёртвых, дабы он соизволил освободить похищенную душу, приносили ему в жертву чёрного барана, чёрную лошадь или чёрного быка-пороза. Совершали жертвоприношение тёмной ночью. Тогда Эрлик-Хан мог отпустить душу, но не более, чем на девять лет. [31, с. 60—63]

Эрлик—Хан имел большой аппарат управления царством мёртвых: помощников, писарей, агентов, доносчиков. Когда в семье бурятов-шаманистов дети поступали на учёбу или на военную службу, всегда проводился обряд в честь писарей Эрлик-Хана. Тёмной ночью приносили им в жертву чёрного барана. Во время обряда использовали исключительно заводскую водку, применяемую в честь самых значимых событий. Нужно добавить, что водка у бурятских шаманистов считалась обязательной принадлежностью религиозного ритуала. Шаманский миф рассказывает о водке, как о напитке, наделяющем сверхъестественной силой. Выпив её, слепой воображает себя зрячим, безрукий – способным ударить своего недруга, безногий – способным растоптать обидчика. Согласно мифу, первую водку получили из сочетания следующих элементов: испарений быстро текущей воды, цветков растущих трав, пламени огня, узла лошадиных пут, острого копыта резвого скакуна, мерцания воздуха, мозга барана, слюны бешеной собаки, лезвия ножа вора, лезвия ножниц темпераментной женщины, румянца щёк красивой девушки, бортов большого котла. Созданная из этих 12 драгоценностей, водка упала на камень и раздробила его. [57, с. 19] В тэнгрианских обрядах и жертвоприношениях использовались только молочные питьевые продукты, в том числе молочный спиртовой напиток тарасун.

Шаманская наследственность утха

В бурятском шаманизме особое значение имеет родовая наследственность, утха. Чтобы стать шаманом, нужно иметь предка-шамана. Родовой шаманский корень, утха, должен происходить не от земного существа, но от Неба: от небесного тэнгэри, от Сыновей и Дочерей Неба, от Птиц. Символом такого происхождения, «грамотой на утха», является передаваемая из поколения в поколение пихтовая кора, насаженная на берёзовую ветку, «йодоо». Самые первые бурятские шаманы получили её от 90 западных хатов, потомков Эсэгэ-Малана-Тэнгэри. Эти первые шаманы имели «тэнгри утха», «небесный утха». Их потомки, унаследовавшие утха уже от человека, называются «мяхан утха», шаманы с «мясным», человеческим утха. По этой причине сейчас нет таких сильных шаманов, как раньше. Шаманы древности с небесным утха напрямую общались с божествами. А нынешние шаманы, получившие утха от предков, не имеют такого дара. [105, с.130]

Бурятские шаманы имели белый родословный корень или чёрный родословный корень. Белые шаманы обращались в своих камланиях к западным тэнгэринам. Они занимали высокое общественное положение, вводили новшества в религиозные обряды и церемонии. Шаманы с чёрным утха камлали восточным тэнгэринам и придерживались старых традиций в обрядах, где главная роль отводилась колдовству. [57, с. 66]

Человек, не имевший наследственного шаманского корня, мог стать шаманом, обретя «буумал», «спустившуюся с неба» вещь. Например, шаманское зеркало-толи. Шаманом становился потомок человека, поражённого молнией. Дар шамана открывался также у тех, в кого «вселялся» онгон – дух умершего насильственной смертью, «обиженного судьбой». Шаманским даром обладали кузнецы, «дархан уххатай». Их в Тункинском крае было очень много. Шаманы и кузнецы-дарханы постоянно соперничали между собой за влияние в обществе.

Однако они не могли обходиться друг без друга: кузнецы ковали для шаманов ритуальные доспехи, а шаманы совершали обряды посвящения дарханов.

Наибольшим авторитетом пользовались шаманы с шаманскими предками в девятом поколении. От силы и качества шаманского корня зависела шаманская сверхъестественная сила, «буугэй хаба». Она включала в себя магические способности, духовную мощь, умение творить чудеса: предотвращать гибель больного, вонзать в себя нож и оставаться без телесных повреждений, прекращать или насылать ветер и дождь. Во время шаманских состязаний побеждали шаманы или шаманские роды, обладающие более качественным утха, а значит более мощной «буугэй хаба».

Умирая, шаман говорил: «Во веки веков не оставлю свой род». («Уеиин уедэ угаа алдах-гуйб»). Поэтому шаманы после смерти «ищут свою кровь», потомков из поколения в поколение, и, когда находят, начинают их постоянно посещать. С раннего детства избранник шамана-предка отличался задумчивостью, любовью к уединению. Ему снились вещие сны, он периодически предсказывал будущее. Считалось, что в это время душа ребёнка находится на небесах и обучается шаманскому искусству у западных и восточных тэнгэринов. Спустя время, когда душа прошла обучение, носитель шаманской наследственности получал способность впускать в себя духов шаманов-предков. Этот момент давался очень тяжело, сопровождался обмороками, состоянием полного оцепенения, выкрикиванием бессвязных фраз, после чего кандидат в шаманы считался избранным духами. Община устраивала для него обряд «манжилай», жертвоприношение покровителю шаманов Тэхэ-Шара-Манжилаю. Это божество, пребывающее между Небом и Землёй, а имя его переводится как Рыжий козёл Манжилай. Согласно бурятской шаманской традиции, кровь козла обладает колдовскими качествами. [57, с. 74] После обряда избранник уходил в лес и подолгу там уединялся. Также в его дальнейшую подготовку входило посещение в улусах камланий и обрядов посвящения.

Шаманские посвящения

Шаманские посвящения устраивались в улусах, в местах захоронения шаманов, в священных рощах, в местах моления предкам и назывались «шанар», «предопределение, назначение Неба». Этнограф Г.-Д. Нацов (1901—1942), уроженец Тункинской долины, даёт следующее описание посвящения. (Более подробно о Г.-Д. Нацове см. ниже). В землю втыкали 27 выкопанных с корнями берёз, три ряда по девять. Кроме того устанавливали две большие берёзы, означавшие «дерево-мать» и «дерево-отец». Берёза у бурят – священное дерево и необходимый элемент практически любого ритуала. На вершине «дерева-матери» прикрепляли птичье гнездо из шёлковых лоскутков. В гнездо клали девять символических «яиц», изготовленных из овечьей шерсти, а рядом – изображение луны из белой парчи. На вершине «дерева-отца» помещали изображение солнца из красной парчи. Такое сооружение из деревьев тоже носило название «шанар». Затем делали два помоста. Один – для омовения и очищения шаманов. Второй – для омовения и очищения шаманского одеяния, доспехов и атрибутов, называемых «амитай», «одушевлённый». В «амитай» входил головной убор майхабши, «крылья» -наплечники далабши, нагрудник-элигэбши, верхнее одеяние хэбэнэг из дублёной шкуры косули. Нагрудник-элигэбши красили в красный цвет, а его подол разрезали, чтобы получилась бахрома. Шаманский «амитай» имел своего духа-хозяина.

Шаманское посвящение символизировало рождение нового человека. Поэтому важное место на нём занимали почтенные старик и старуха в роли «отца» и «матери» посвящаемого. Также в церемонии активно участвовали девять ловких и сильных юношей из кандидатов в шаманы. Вёл обряд старый опытный шаман, облачённый в свою шаманскую одежду и оснащённый всеми атрибутами. После церемонии он назывался «отцом», учителем молодого шамана, поскольку для успеха на шаманском поприще требовалось учиться не только на небе у шамана-предка, но и на земле у шамана-человека.

С наступлением сумерек проводилось камлание-призывание духов-предков. Затем следовало омовение и освящение шаманских атрибутов старого шамана и посвящаемого. Весь ритуал длился девять дней. Кандидату вешали на шею зеркало-толи, давали трости, плётку, прочие ритуальные вещи, исключая бубен, и он начинал демонстрировать своё искусство. Одним из важных показателей профессионализма было умение ловко взбираться на берёзы, перепрыгивать с одной на другую, сползать вниз подобно белке. [31, с. 67—69]

На церемонии посвящения шаман давал перед жителями улуса и участниками обряда шаманскую клятву, которая передавалась из поколения в поколения. Вот примерный перевод её на русский язык: «Совершив данный обряд посвящения, получив благословение быть шаманом, даю клятву: младенцам быть покровителям, а сиротам —отцом; бедных, больных не обходить, вознаграждением не прельщаться; чужеродных не чуждаться, единокровным не угождать; к больному пешком пойти, а к бедному и на волах ехать; большому заработку не радоваться, а малому подарку не гневаться; глядя на ладони печальному, ворожа измученному на бараньей лопатке, смертью их не пугать, без их посул (мне) коня и коровы усиленную помощь им оказывать, об увиденном мною зайце, о просящих жертвы от больного духах без утайки сказать; если богатый будет просить от меня помощь, не буду радоваться, если бедный обратиться, не обижусь; богатому благотворителю не буду угождать, а подарком бедного не буду гнушаться; жирным мясом и крепкой водкой не буду соблазняться, о судьбе больного правду без утайки расскажу... Пусть эту клятву мою сам Эрлик-Хан слышит, отец высокого неба узнает и мать широкая земля свидетельствует. Если я эту клятву искажил, и я её нарушу, ... пусть двери мои закроются навеки и дымоход дома заглохнет; пусть огонь в очаге моей юрты потухнет, опорные столбы моей юрты расколются; пусть волосы мои выпадут, а ноги сгниют; пусть всё, как сновидение, будет забыто, как загадка, затеряется, как сказка, из жизни сгинет». [57, с. 27]

Первое посвящение завершалось пиром, устроенным на средства посвящаемого шамана. Последующие посвящения проходили подобным образом с обязательным «очищением-омовением» посвящаемого. На первом посвящении оно было «сухим»: раздетого шамана хлестали связкой трав, вынутых из кипящей воды, доставленной из девяти целебных источников-аршанов. На втором посвящении новый шаман «омывался» кровью жертвенных животных. И только на девятом посвящении совершалось омовение водой, означавшее рождение новой шаманской сущности. А шаман становился нойтон-шаманом, «мокрым шаманом». Прошедшие все девять посвящений шаманы получали звание «заарин», самое высокое духовное шаманское звание. На девятом посвящении покровителю шаманов Тэхэ-Шара-Манжилау снова приносился в жертву козёл.

Онгоны

Понятие «онгон» имеет несколько значений. Это духи предков-основателей какой-либо отрасли труда; душа шамана или прославившегося человека, выступающая в качестве личного защитника от злых духов; божество, на произношение имени которого наложено табу; изображения духов, сделанные из дерева, меди, серебра, шкурок животных, нарисованные на материи или бумаге. В каждой бурятской семье имелись семейные онгоны. Их почитали, как святыню, молились им, «кормили», выпрашивая благоденствие, здоровье, долголетие потомству. Семейных онгонов изготавливали в течение длительного времени во время специального обряда. Хозяин юрты приглашал большое количество человек, которые мастерили изображения, пели, танцевали, а потом угощались. После изготовления онгона приглашённый шаман его «оживлял», «давал дыхание». Приводили козла или барана, под мышкой ему делали разрез и в рану вставляли изображение онгона, оставив на некоторое время в живом теле животного. Затем онгона ставили на коврик, животное закалывали и кусочек его аорты клали рядом с онгоном.

Шаман дотрагивался своей тростью до онгона и падал. Через несколько мгновений он поднимался, изображая «оживление» онгона. И только после этого начинал камлать. [31, с. 71]

Бурятские семьи имели настолько много онгонов, что при перекочёвке требовалось несколько мешков, чтобы их уместить. «Поставляемый посреди кибитки, и, следовательно, в... почтеннейшей её части, должен быть Заягчи, верховный творец Заягчи, верховный творец счастья. Поставляемый около дверей должен быть Эмэгэлджи, хранитель стад и преимущественно молодого скота, ... в кибитке поставляют буряты Чангату, имя этого идола значит „имеющий (белого) зайца“ ... Кажется, этот уважаемый идол был покровителем звероловства, а может быть и войны. Впрочем, известны по именам и ещё некоторые онгоны, как-то: Хаянайки, что значит „находящийся подле дверей“; Нохайту, которому посвящали собак; Барасэбуген (барс – старик), считавшийся обжорой», – описывал иерархию бурятских онгонов признанный специалист по бурятскому шаманизму, учёный-историк, этнограф, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Бурятской АССР Т. М. Михайлов (1929—2009). [61, с. 236]

Особенно бережно и учтиво буряты относились к онгону Заяши, покровительнице детей. До трёх лет ребёнок полностью принадлежал Заяши. Она ухаживала за ним, по утрам умывала личико, и ребёнок всегда просыпался свеженьким и чистеньким. Когда ребёнок во сне улыбался, то родители знали, что с ним разговаривает Заяши. Если малыш начинал во сне плакать, значит, Заяши отлучилась, и сейчас малыша пугают злые духи. Пока ребёнок принадлежал Заяши, он воплощал собой нечто священное, подобное божеству-бурхану. Буряты никогда не ругали своих детей. У них существовало табу перешагивать через ребёнка, проносить над его головой что-нибудь грязное, осквернять детскую одежду, резать её или отдавать кому-нибудь чужому. «Благодаря подобным представлениям, у монголоязычных народов было развито мягкое, бережное отношение к детям, что отмечается и сейчас», – отмечала в монографии «Доламаистские верования бурят Г. Р. Галданова (1942—2001), бурятский учёный-буддолог, этнорелигиовед, старший научный сотрудник Института монголоведения и буддологии БФ РАН. [31, с. 45—46]

Самыми древними онгонами были «пять почётных»: соболь, белка, горностай, хорёк и заяц, посвящённые предкам-тотемам. В Тункинском крае особым почётом пользовался онгон соболя, Булгата-онгон, от которого зависела добыча шкурок этого зверька. Соболя называли «хуииунн», «уважаемый, ценный зверёк». После удачной соболиной охоты лучший мастер снимал шкурку соболя, из которой готовили соболиное гнездо. В него укладывали тушку зверька, придавая ей положение спящего. На ногах соболя подрезали жилы, а в нос засовывали хвост. Таким образом, в будущем соболь не мог убежать от охотника и чувствовать его приближение. Вернувшись с охоты, гнездо с соболем крепили высоко на дереве. [61, с. 75—76]

О появлении Булгата-онгона рассказывает легенда тункинских бурят. «Булгата-онгон была прежде большая шаманка у минголов. Утха (род) её Шошолок. Эта шаманка была сильнее всех шаманов и шаманок. Имя её Хан-Хамакша-Утодой. У нея был муж Бурхи-зарин и сын Буша-зарин. (Зарин – шаман). Желая испытать чубарого коня, она поднялась с ним на вершину горы Шарсын. Тогда конь, осердившись, говорит: „Ты хотела меня испытать, поднимусь ли я на вершину этой горы. Я не только могу подняться на вершину этой горы, но могу даже вознестись к своим Шарайцам на Шара-Хасар-Тэнгэри (Желтощёкое Небо) “. Сказавши так, он вознёсся, оставив шаманку на вершине горы. После этого шаманка поймала скачущего по вершине елей чёрного соболя и на нём спустилась с вершины горы. Шаманка эта, после смерти, сделалась Булгат-онгоном. Сейчас онгон этот есть в каждом бурятском доме. В прежние времена онгон делали на соболе, теперь же заменяют соболя ушканом (зайцем), но всё-таки втыкают в него носик соболя». [96, с. 124]

Шаманские онгоны и шаманские обряды

У шаманов имелись собственные онгоны, покровители и помощники, наделявшие особой магической силой. Болезни, которые бурятам представлялись в образе червяков, шаманы либо высасывали ртом, либо изгоняли посохом. Они возвращали похищенные духами или просто убежавшие души, что тоже служило причиной заболеваний. Если болезнь на человека насылал некий онгон, то шаман совершал ему жертвоприношение. Он рисовал на материи охрой человеческое изображение, к которому прикреплял маленькую фигурку человека, символизировавшую жизненную силу (сульдэ) онгона.

Во время камланий шаманы «впускали» онгонов в себя. «Онгон ороо», «дух вошёл», – говорили буряты, когда в состоянии транса шаман говорил от имени вошедшего в него духа. Сильные шаманы использовали онгонов при лечении самых тяжёлых заболеваний, в том числе опухолей. Опухоли лечились тремя способами. В первом случае шаман калил на огне кусок железа или камень и прижигал им больное место, читая огненное заклинание. Во втором случае он ошпаривал опухоль пациента горячей водой или хлестал по ней вымоченным в кипятке пучком травы, читая заклинание воды. В третьем случае шаман докрасна раскалывал кусок железа, лизал его обильно смоченным слюной языком, дул на больное место и читал заклинательный текст. [57, с. 70]

На шаманах лежала ответственность за благополучие и счастье жителей улуса. С помощью плётки они изгоняли злых духов из жилищ, проводили обряды на привлечение благополучия. Один из обрядов назывался «Призывание счастья, благодати» («хэшэг даллаха»). Шаман сначала проводил очищение места, людей, посуды курящейся богородской травой (чабрецом) и пихтовой корой. Потом совершал возлияние вином или водкой духам-старцам данной местности, духам-родственникам по мужской линии, ушедшим из жизни в расцвете лет, делал возлияние водкой своим духам-предкам. Наконец, сооружался жертвенник и возле него расстилался чистый белый войлок. На войлок ставили блюда с молочной пищей, хлебом, сахаром, бутылки с крепкой водкой. В деревянное ведро наливали тараг (простоквашу). Резали упитанного барана и сразу варили всё мясо. Затем отделяли грудинку, накрывали её красным шёлком, сверху клали вату, ковыль и на всё это ставили онгона в виде человечка, изготовленного из грудинного жира. Взяв большое ведро, наполняли его топлёным маслом, клали в него берцовую кость барана, четыре высоких ребра, прямую кишку и прикрывали ведро шкурой белого ягнёнка. На шкурку ставили сооружение с грудинкой. Потом из тонких хворостинок на тлеющих углях костра возводили треугольное ограждение и поверхность внутри него тоже устилали хворостинками. У трёх ножек тагана укрепляли ивовые ветки и на них вешали куски бараньего жира и пряди шерсти. Закончив приготовления, шаман брал в руки ведро с грудинкой и принимался камлать. Все участники обряда разбирали расставленные на войлоке блюда и бутылки с водкой, расстёгивали пуговицы воротников, покрывали головы шапками, расправляли подол одежды и по кругу солнца двигали блюдами с едой и бутылками, повторяя за шаманом: «А, хурый! А, хурый!» («А, хурый!» – «Поклоняемся!»)

Закончив «призывание счастья», шаман передавал ведро с грудинкой хозяину дома и говорил: «Буян, уг гарбал, хэшэг чиндамани» («Вот добродетель ваших тэнгри, ваших предков, здесь счастье, драгоценность»). Затем он клал грудинку в оградку из прутиков, поджигал оградку и лил в огонь масло из ковши. После чего все начинали угощаться и веселиться. На другое утро шаман гадал об успехе камлания. Он наливал в чашу кипячёное молоко и сверху опускал «гнездо», сделанное из чистой белой овечьей шерсти. Потом в железном ковш, наполненном топлёным маслом, плавил кусочек олова. Расплавленное олово выливал в чашу с молоком и «гнездом», и олово уходило на дно чаши. Когда олово застывало, шаман его вынимал и по его форме, по количеству ямочек и лунок определял, много ли будет в семье детей, и как будет размножаться скот, главный символ счастья бурят-скотоводов. [31, с. 72—73]

Представление бурятского шаманизма о душе

Согласно учению высших шаманов, человек имеет три души. Первая душа, «душа-судьба», «сульдэ» – хорошая душа. Она представляет собой жизненную субстанцию человека и одновременно гения-хранителя. Символом сульдэ выступают сияние луча света, уголёк, камешек, волосы, кровь, стрелы. Душа-судьба возникает при сотворении человека, всю жизнь заботится о его благополучии, ходатайствует о нём перед тэнгэринами. Если человек преуспевает, то сульдэ хорошо одета, ездит верхом на коне и радуется. Если человек живёт худо, то сульдэ плохо одета, ходит пешком и печалится о человеке. После смерти человека сульдэ поднимается на небо и там остаётся жить с тэнгэринами. В самых ранних представлениях о душе сульдэ умершего становилась гением-хранителем рода и семьи, воплощаясь в черепахе и родовом знамени.

Вторая душа, «амин» – душа-дыхание. Это средняя душа. Она находится в человеке, а во время сна оставляет тело. Когда духи преследуют среднюю душу, то она плачет. Если духам удаётся поймать и увести душу-дыхание, то человек заболевает и умирает. После смерти амин становится духом-бохолдоем и странствует по земле. Духи-бохолдой враждебно относятся к людям, вредят им. Дух-бохолдой ходит в одежде, в которой похоронили умершего; пользуется положенными рядом с ним вещами; ездит на его коне. Духи-бохолдой устраивают по ночам гуляния, вечеринки, охоты-облавы и стараются поймать души живых. Во время своих увеселений в степи, в горных падах, в лесах и болотах бохолдой разжигают бледно-синий огонь. Если живой человек, подвергая себя большой опасности, украдёт его, то станет очень богатым.

Третья душа, душа-тень, «сунэсун» – плохая душа, призрак двойник человека. Она похожа на тело (бэйе), материальна, но материя её очень тонка. Сунэсун не оставляет следов и не шуршит листьями при движении. Она может покидать человека во время сна, выходить из тела и давить на него. Тогда снятся кошмары. Чтобы избежать ночных кошмаров, буряты либо делают три узла на поясе и кладут его в изголовье, либо кладут рядом ножик. Сунэсун могут похитить духи. Лишившись сунэсун, человек становится вялым, сонливым, ко всему равнодушным. Про такого человека буряты говорят: «У него не стало души-тени». После смерти человека сунэсун остаётся возле тела, караулит кости и никуда не уходит. Когда же и от костей ничего не остаётся, плохая душа превращается в вихрь, истончается и исчезает. [1, с. 27—29]

Обряд возвращения души при испуге

Когда душа покидала тело в результате сильного испуга, то проводился обряд «хунэхэ хуруйлаха». Его мог совершить только очень сильный и знающий шаман с белым утха. Приведу описание обряда возвращения души, сделанное П. П. Баторовым (1850—1927), тайшей (старейшина рода, соответствует русскому дворянству), просветителем и собирателем бурятского фольклора, членом Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, одним из организаторов Бурятского отдела Иркутского музея. Для совершения обряда брали чистый белый войлок, не бывший в употреблении, в качестве подстилки для больного. Второй кусок такого войлока клали под ноги шаману во время камлания. Потом на дно ведра с молоком, поставленного у западной колонны юрты, клали рублёвую серебряную монету и втыкали «далангайин хомо», специальную стрелку для испрошения земных и небесных благодатей при всяком священном обряде. К стрелке за ушко привязывали длинную шёлковую нитку красного цвета, а к ней медную пуговицу. Нитку через дверь протягивали на улицу, где заранее среди двора втыкалась небольшая берёза, и прикрепляли к дереву. Нитка служила путём для возвращения в тело исчезнувшей души. Дверь юрты всё время оставалась открытой. Возле берёзы сидел человек и держал за повод самого лучшего осёдланного коня больного. Возвращение души распознавалось по лошади, которая начинала дрожать. Душа по нитке переходила в человека, который держал лошадь, а из него – в покинутое при испуге тело.

В юрте на стол ставили вино, тарасун, табак, сладости. Посуда, в которую клали еду и сладости, предварительно окуривалась шаманом дымом можжевельника. Если заболевший человек был стар, то в юрту собирали как можно больше стариков и старух. Если средних лет – то его сверстников. Если обряд проводился для ребёнка, то в юрту собирали детей обоёго пола, а к сладостям добавляли детские игрушки. Мать исцеляемого ребёнка сидела возле него с обнажённой грудью. Во двор загонялся весь скот и даже собаки. Порой шаман требовал загнать во двор скот соседей больного на тот случай, если сбежавшая душа одичала и пристала к скоту или собакам. Больного и всю его семью одевали в самую лучшую и чистую одежду. Все присутствовавшие при камлании были чисто умыты и хорошо одеты. Двор и юрта блистали чистотой. Шаман совершал брызганье и молебен сначала хатам, потом эжинам местности проживания больного и его предкам. Затем шаман брызгал своему шаманскому утха и просил благоволения и помощи в деле возвращения пациенту сбежавшей и одичавшей души.

Наконец, начиналось камлание. Шаман становился на белый войлок, брал ведро с далангаин хомо, и, размахивая ведром кругообразно по кругу солнца, входил в экстаз. Он громко призывал душу, а все присутствующие расстёгивали верхние пуговицы у воротников. Среди многочисленных призывов звучали следующие: «А, хурый! – Всё твоё домообзаведение в полном порядке и блестящем положении налицо стоят, – вернись, и, владея ими, будешь блаженствовать на многие годы!.. А, хурый! – Разложенный тобой на очаге огонь твой будет гореть неугасимо десять тысяч лет. Благодатью рождённое тело твоё будет девяносто лет здравствовать и блаженствовать!.. Ты знай и пойми, та страна (Тот Свет) черна, холодна и страшна, а эта наша страна светла, тепла и благодатна; ради этого ты вернись к нам. На утуге своём будешь старцем почтенным, в стране своей будешь нойоном главным. Чёрная страна страшна, а светлая страна красива и благодатна, поэтому вернись к нам. А, хурый! А, хурый! А, хурый!» Во время призывов все присутствующие произносили вслед за шаманом три раза: «А, хурый!» Для каждой категории были свои слова, призывающие душу вернуться и водвориться в теле. В заключении шаман говорил примерно следующее: «Испросил я установленным порядком, и хуруем – долголетие, продолжительное благополучие тяжеловесное даланга-благодать, неотразимое и невыразимое благоволение свыше; всё это передано больному! Да будет отныне всё задуманное хорошо, предпринятое исполнится всегда благополучно. А, хурый! А, хурый, А, хурый!» [19, с. 27—29]

Обряды возвращения и водворение души в тело разрешалось повторять до трёх раз в назначенные шаманом дни. Об удачном возвращении души и водворении её на место судили по следующему признаку. Во время камлания больной чувствовал разливающуюся в теле теплоту и начинал плакать. Вслед за ним плакали все родные и даже посторонние люди. Тогда приходила уверенность, что душа водворилась куда следует, и больной скоро выздоровеет.

В более позднее время обряд по возвращению души в тело стал несколько проще. Вот как его описывает Ирина Сафроновна Урбанаева: «Мне было три-четыре года, когда я упала с чердачной лестницы и после этого стала вялой, сонливой, сидела, забившись в какой-нибудь угол. По ряду этих специфических признаков взрослые установили диагноз «Иунэкэн гараа», что в буквальном переводе можно передать так: «душа покинула тело». Хотя понятие «Иунэкэн» и «душа» не являются вполне эквивалентными.

Определив причину моего недуга, провели специальный обряд хуриилха. Мне врезалось в память, как люди, в том числе моя мать и я сама, выстроившись цепочкой, брели на закате, держа в руках принадлежащие мне вещи, а также молочную пищу и детские лакомства, и выкрикивали моё имя, призывая вернуться домой: «Ира, Ира! Йер! Йер наашаа!» Самым удивительным и странным казалось мне то, что эти люди вели себя так, будто меня нет, хотя я шла рядом со всеми. И, в то же время, я понимала, что это не игра, и что меня ищут. Этот случай так и осел в моей памяти надолго неразрешимой загадкой. А после обряда я, действительно, поправилась» [104, с. 5—6]

Обряд «просить долголетия»

В честь хозяина мира мёртвых Эрлик-Хана, распорядившегося людским долголетием и сроком жизни каждого человека, шаманы проводили ночью в лесу обряд «просить долголетия». Обряд считался обязательным: его полагалось совершить в течение жизни три раза мужчинам и один раз женщинам. Для мужского обряда закалывали чёрного барана, для женского обряда – овцу белой масти. Её приносили в жертву невестке Эрлик-Хана, дочери великого Буха-Нойона.

Жертвоприношение совершалось древним бурятским способом. Заклав животное, шкуру его снимали вместе с головой, ногами, дыхательным горлом и вешали на берёзовый шест. Голову, повернутую на восход солнца, украшали ленточками, а в зубы втискивали пихтовую кору. Потом, разложив костяк так, как он был расположен у живого барана, его сжигали, накрыв шкурой. Всё это называлось «зулхэ». Согласно шаманизму, душа жертвенного животного должна была взойти на небо и снова вернуться. Во время обряда шаман камлал, испрашивая у Эрлик-Хана жизненную силу для заказчика обряда. Водружение «зулхэ» на высокий шест призвано было напоминать Эрлик-Хану, что ему принесена жертва, и устроитель обряда должен получить желаемое. В обряде принимали участие родственники устроителя. После камлания мясо и внутренности барана участники обряда варили без соли и съедали. Шаманское табу запрещало убирать зулхэ, и оно висело, пока не рассыпалось в виде трухи. [31. С. 72, 96]

Народная бурятская медицина

Представителями бурятской народной медицины с древнейших времён были знахари-эмчи. Как и шаманам, им полагалось иметь утха, знахарскую наследственность. Народные целители придерживались и продолжают придерживаться мнения, что причины всех заболеваний лежат в тонкой сфере. Это может быть осквернение, загрязнение души, нарушение табу и традиций, забвение предков и домашних духов-покровителей, чужое заклятье, кармическая болезнь. Прежде чем приступить к лечению, эмчи-знахарь проводил диагностику методом «узэл узхэ», виденьем, дабы установить конкретную причину. Виденье осуществлялось как самыми древними, дошаманскими способами гадания на бараньей лопатке и внутренностях животных, так и с помощью ритуальных металлических заркал-толи или смотрением на водку. Бурятские эмчи-знахари также владели и до сих пор владеют традиционной центрально-азиатской астрологией зурхай. Точность виденья обеспечивают божества-покровители целителя и отсутствие у него корыстных целей. [103, с. 271—272]

К наиболее древним методом диагностики относится гадание на бараньей лопатке. Лопатку обжигали на огне и делали предсказания на основании появившихся трещин. Две большие продольные трещины на лопатке означали дорогу живых и дорогу мёртвых. Всё зависело от их длины и направлений. Если длиннее оказывалась дорога живых, то предсказание считалось благоприятным. Если трещина уклонялась наружу, то означала конец жизни. Появление некоторых трещин предсказывало радость и небесную радость. Порой трещины указывали на необходимость совершения определённых обрядов. [108, с. 297—298]

Одновременно существовали методы народной медицины, имевшие свойства «скорой помощи» и доступные любому человеку. Резь в животе лечили горячим крепким тарасуном натошак, ягодами черёмухи и черники. При ангине пили ложку крови, взятую из надреза языка овцы или домашней козы. Для больных ангиной мужчин готовили отвар ягод шиповника с сахаром, для женщин – отвар из стеблей шиповника. На обмороженные места накладывали снег, потом их натирали водкой или спиртом, затем мазали гусиным или медвежьим жиром. Больных гастритом одевали как можно теплее, чтобы вызвать пот, ставили горячие припарки

на живот. Давали им пить ружейный порох: одну ложку на чашку горячей воды и есть сырые яйца.

Простудный кашель лечили молоком, сваренным с сахаром. Затем проводили обряд: больной в полночь своей мокротой от кашля оплёвывал кусок древесного угля, относил его на большую проезжую дорогу и оставлял на середине. При длительном катаральном кашле больным давали винную настойку со стручковым перцем, по несколько капель вина с медвежьей желчью. При очень сильном кашле и боли в груди кипятили в воде иглы боярышника (боярки) числом девять или трижды девять, настаивали как чай и давали больному пить. От мышечных судорог прикладывали к больным местам холодное железо или горячий камень, обернув его горячей тряпкой, а потом секли жгучей крапивой. [20, с. 33—41]

Целители-эмчи владели знаниями о разных лечебных травах. «Есть корень травы хунхорхон (человеческий корень), который целебен от всех болезней. Этот корень похож на человека и разделяется на мужской и женский пол. Прежде этот корень выкапывали следующим образом. Кто знает этот корень, тот, найдя его, выстраивал перед ним небольшой шалаш, чтобы корень не видел солнца. Иначе, если корень увидит солнце, наступит страшная засуха. Когда корень выкопают, то из него вырезают маленький кусочек в том месте, где у больного болит. Например, если у больного болит правая рука около плеча, то и на корне вырезают кусок непременно около правого плеча. С другого места вырезать нельзя. Когда этот корень выкапывают, он плачет по-человечески. Обычно буряты считают большим грехом выкапывать этот корень». [96, с. 83—84] К подобным древним знаниям относился обряд «клятва траве», записанный М. Н. Хангаловым: «Прежде буряты как будто бы знали много лекарственных трав, но позабыли. По мнению бурят, когда берёшь лекарственную траву, нужно дать клятву. Что будешь жить с помощью этой травы и что, кроме неё, тебе не нужно ни хозяйства, ни жены, ни детей. Давать такую клятву буряты считают за грех, вследствие этого они не старались узнавать лекарственные травы, и потому, какие знали, позабыли. Буряты, знающие эти травы, от тех, которые просят показать их, требуют принести вышеописанную клятву. Кроме того, узнающий о целебном свойстве травы должен иметь на то наследственное право (утха); иначе он скоро умрёт. По мнению бурят, тот, кто знает какую-нибудь лекарственную траву, должен показать её перед своею смертью другому человеку, но под условием той клятвы, если найдётся к тому охотник. Без клятвы же передавать это знание, по обычаю, нельзя». [109, с. 55—56]

ЛАМАИЗМ БУРЯТ ТУНКИНСКОГО КРАЯ

Основы ламаизма и начало его распространения в Бурятии

Первое знакомство бурят с буддизмом в его ламаистской форме произошло в XVII веке. Лама в переводе с тибетского языка означает «высший», а его главная функция – быть учителем-наставником. Ламаизм преподносился бурятам следующим образом. Всё материальное заключается в трёх отдельных мирах: небесном, земном и подземном. Существа этих трёх миров делятся на 6 разрядов. В небесном мире живут тэнгрии и воинственные божества асурии. Они постоянно ведут между собой борьбу. Но, несмотря на это, их жизнь относительно счастлива. На земле обитают люди и животные, а в подземном мире – бириты и адские существа. Подземный мир полон страданий. Бириты живут в преддверии ада, где они постоянно ощущают невероятный голод, но утолить его не могут. В аду царствует страшный судья Чойчжил со своими слугами. Здесь грешники подвергаются самым сильным мучениям. Под именем Чойчжила ламаизм включил в свой пантеон шаманского владыку подземного царства Эрлик-Хана, которого на иконах изображали синего цвета и с головой быка.

Ламаизм описывал жизнь, как мучительный круговорот бесконечных перерождений. Рождение человека не есть начало его бытия, как и смерть не является его концом. На своём пути существо многократно перерождается, принимая то форму бирита, то форму адских

сущест, то животного, то человека. Впрочем, за особые заслуги можно переродиться в форме тэнгэри или асура. В этом мире нет, и не может быть спасения. Блаженство даётся лишь тогда, когда существо достигло нирваны. В ламаизме общепринятый буддистский путь к нирване несколько изменился и удлинился. Появились новые ступеньки к блаженству на небесах и дополнительное учение о небесных царствах. Побыв определённое количество лет в том или ином царстве, существо вновь вступало в круговорот перерождений. И только после пребывания в высших небесных сферах оно довольно легко достигало нирваны. Ламаизм рассказывал о рае Сукавади, блаженство которого равносильно блаженству в нирване: «В царстве этом всё переполнено святостию (*апилоксан*). Его украшает священное дерево – *боди модо*. Оно озаряется огнём божественной премудрости – *былге билик*, согревается теплотой праведности. В нём вкушают пищу духовную – *диану идеген*, пьют из источников, исполняющих всякое желание – *эрил хангаху аришану осу загоглахой-еце, босо ундаган кемеку неречу угей*... Там не стареются и не умирают, не знают других путей, кроме пути вечных правды». [6, с. 353]

Проповедовавшие в Бурятии ламы из Тибета и Монголии учили непротивлению, отрешению от благ житейского мира, смирению, терпению, любви ко всем живым существам и запрету убивать их, вплоть до самых мельчайших. О ламе проповедовалось, как о совершеннейшем существе, к которому следует относиться с благоговением, всегда его кормить, беспредельно верить в него и исполнять все его приказания. Ламаистам предписывалось читать молитвы и совершать многочисленные религиозные обряды. Большинство молитв народ не понимал, однако верил, что их прочтение или написание обладает магической силой. Наиболее близкой для бурят стала обрядовая сторона религии, связанная с принесением жертв различным богам, духам и с преподнесением ламам подарков и платы за совершаемые требы. [35, с. 7—8]

Ламаизм пришёл в Бурятию через приграничную Монголию. Бурятские князья-нойоны начали приглашать монгольских лам на должности писарей, врачей, домашних учителей. Ламы обустраивали в княжеских дворах небольшие молельни-кумирни, где проводили службы. Постепенно буддизм распространился и среди простого населения. Прибывавших на бурятские земли лам «расписывали» по родам. Каждый род ламаистов имел небольшие дуганы-сумэ, небольшие храмы в виде войлочных палаток, где ламы служили молебны. Они читали главные буддистские обрядовые тексты, распевали хвалебные гимны своим богам, возносили им молитвенные просьбы, одаривая присутствующих благопожеланиями и совершая жертвоприношения гневным хранителям буддистской веры, которых буряты называли сахую-санами.

Желая привлечь в своё лоно как можно больше бурят-шаманистов, ламаистское духовенство вводило в буддистский пантеон особо почитаемых бурятских божеств. Священные шаманские места объявлялись буддистскими святынями. В древних тэнгрианских и шаманских молитвах имена тэнгэринов и эжинов заменялись именами ламаистских богов. В несколько изменённом виде сохранился и древний культ обо. Вот что писал об этом Д. Банзаров, ламаист по вероисповеданию: «Распространение новых религиозных понятий не могло уничтожить жертвоприношений при обо, ибо это был род народных праздников, о которых жители сожалели бы больше всего...

Место для обо выбирается приятное по своему положению, величественное, возвышенное, гористое, обильное травами и водою. На избранном возвышении отмеряется круг известной величины; тут из земли и камней делают насыпь, в которую кладут вещи: панцирь, шлем, оружия и платья, всякия кушанья, посуду, шёлковые ткани и лекарственные вещества; по бокам должны быть также разнаго рода украшения; на насыпь садятся деревья или ставят изображение птицы гаруды; или, согласно древним обычаям, втыкают в неё лук, стрелы, копьё и меч. Обо должно состоять из многих таких слоёв, и в каждом слое свои принадлежности и украшения: изображения множества зверей, птиц, камни и листы с написанными на них молитвами. Вокруг большой насыпи сыплются ещё двенадцать малых, так что все тринадцать

обо представляют весь мир, как его изображают буддисты, т. е. средняя насыпь соответствует горе Сумэру, а прочия малыя – 12-ти... частям мира.

Что касается до освящения обо и обрядов, совершаемых при этом случае, то они происходят со всеми принадлежностями буддистского богослужения. Обрядник предписывает читать много молитв и приносить столь разнообразные жертвы, что описать их трудно. Кровяные жертвы запрещены, и вместо них употребляются плоды, молоко, вино, сыр и т. п. С молитвами и жертвами велено обращаться не к одним местным божествам, ... т. е. богам обо, но к гениям – всех стран, чем либо важных для буддистов, каковы: Магада, Будала, Удияна, Шамбала, Гридракута, Тибет вообще и, наконец, все страны монгольския. Во время службы при обо делают рашиян, т. е. святую воду, которою кропят стада...

Счастье в настоящей жизни, благоденствие народа, умножения стад, увеличение богатства, удаление злых духов, отвращение болезней – вот благодетельные следствия обо и жертвоприношений его гениям.

По окончании священных обрядов при обо начинаются увеселения: скачка, борьба и пиршество, согласно древним обыкновениям народа». [17, с. 18—20]

Ламаизм с конца XVII века до начала XX века. Дацаны

«В XVII веке, когда русские пришли в соприкосновение с монголо-бурятскими князьями, их поражала та церковная обстановка, которой окружили себя последние. В юртах, в большом числе, стояли литые, серебряные с позолотой, бурханы; перед ними – такие же дорогие большие чаши. Вокруг свечи, зажигавшиеся на подставках... Бросалось в глаза, что около князя обычно сидел лама, с которым тот неизменно советовался», – писал в статье «Туземная интеллигенция в Сибири» профессор истории, этнограф Николай Николаевич Козьмин (1872—1938). [48, с. 72] Многие бурятские тайши, старейшины родов, не будучи официальными ламаистами и имея в роду очень сильных шаманов, содержали домашние буддистские храмы, при которых жили ламы. Вхождение Бурятии в состав России в 1661 году поставило вопрос об отношении новых властей к буддизму. В 1728 году царский наместник Л. Рагузинский признал ламаизм «религией дозволенной». В 1741 году императрица Екатерины II узаконила «ламайскую веру» на территории Российской Империи, а ламы принесли присягу на верность «белому царю». Теперь они имели полное официальное право проводить молебны, обряды, строить дацаны и открывать при них школы.

В 1764 году императрица признала буддизм одной из государственных религий, учредив пост Пандидо-хамбо ламы («учёного настоятеля»), высшего духовно-административного лица бурятских ламаистов. Им стал Дамба-Доржи Заяев (1710—1776). Его буряты-буддисты и сейчас воспринимают как перерожденца, получившего буддистское учение в одной из прежних жизней непосредственно от Будды Шакьямуни. Юношей Дамба-Доржи Заяев отправился в Тибет изучать буддистскую философию, где познал смысл всех 108 томов священной книги Ганджур. Вернувшись через 7 лет в Бурятию, он занялся религиозным просвещением своего народа, проповедуя буддизм по тибетскому образцу. Первые проповеди Заяева проходили в войлочных дуганах. Со временем по его инициативе развернулось масштабное строительство каменных и деревянных дацанов. При Дамба-Доржи Заяеве дацаны стали превращаться в оплот духовных ценностей народа, его консолидирующую основу. Дамба-Доржи Заяев прекрасно понимал, что только подчинение правительству России даст возможность сохранять и развивать в Бурятии буддистскую веру. Во время правления Екатерины II Пандито-хамбо лама был приглашён в Москву в состав комиссии по составлению нового религиозного уложения для последователей различных религий Российской Империи. В свою очередь, высшее ламаистское духовенство в 1766 году объявило императрицу Екатерину II и её потомков боже-ствами на земле, воплощением Белой Тары, матери Будд прошлого, настоящего и будущего, олицетворяющей добродетельное поведение просветлённых существ.

В начале XIX века произошло значительное укрепление положения ламского сословия правовыми нормами. По «Степному уложению» 1808 года за оскорбление ламы, как и за оскорбление представителя светской власти, виновным полагался штраф до 50 рублей, наказание розгами и принудительными работами. Ламы, наравне с родовыми князьями-ноёнами и родовыми старшинами-тайшами, входили в состав Степных дум, как тогда назывались бурятские органы народного самоуправления. Однако такая социальная активность была присуща не очень многим буддистским священникам. Большинство из них выполняли свою духовно-религиозную миссию: проводили хуралы и обряды, лечили свою паству методами тибетской медицины и составляли для неё астрологические прогнозы.

Основная деятельность ламства сосредоточилась в монастырях-дацанах. Во главе дацанов стояли настоятели-шэрэтэ. Бурятский буддизм развивался в традициях школы Гелгуна, которая особое внимание уделяла образованию. Оно базировалось на трёх познавательных процессах: слушание, обдумывание, созерцание. Ученики-хувараки изучали в дацанах 10 наук. «Пять больших наук» включали философию буддизма, логику, грамматику, медицину, технологию ремёсел. «Пять малых наук» – синонимистику, математику и астрологию, поэзию, музыку, риторику, театральное искусство. По окончании обучения выпускники защищали ламскую степень гецула (давали 35 обетов) или гелуна (давали 253 обета). Одни из выпускников оставались продолжать учёбу для получения высоких научных степеней и буддистских высших посвящений. Другие – распределялись в небольшие дацаны и улусы. Среди дацанов были монастыри школьного типа, специализировавшиеся на отдельных факультетах: богословско-философском, тантристском, медицинском.

При дацанах работали типографии-печатни (барай-сумэ), мастерские по изготовлению предметов культа. В барай-сумэ ксилографическим способом печаталась буддистская литература на тибетском и монгольском языках, азбуки, пособия по грамматике, учебная дидактическая литература. Каждый лист вырезался вручную с деревянных клише в зеркальном изображении, его покрывали краской и тиражировали. Книги хранились в деревянных шкафах дацанских библиотек. С начала XIX века при дацанах начали открываться школы для мирян, а несколько позже – приходские училища, действовавшие вплоть до 20-х годов XX века. Детей и молодёжь здесь обучали грамоте, приобщали к ламаистской нравственности и духовности.

Число лам и дацанов в Бурятии постоянно росло. Разумеется, это мешало вести миссионерскую деятельность православным священникам. Бурят Тункинского края во главе с родовыми старшинами Иркутская православная епархия относилась к наиболее ревностным приверженцам ламаизма. В 1853 году российское правительство ввело в действие «Положение о ламайском духовенстве». С одной стороны, оно запрещало открывать новые дацаны, устанавливало для них «штаты» монахов, вводило различные ограничения для лам. С другой стороны, «Положение» наделило Пандито-хамбо ламу землёй в 500 десятин, настоятелей дацанов – земельными участками по 200 десятин, «штатные» ламы получали от 30 до 60 десятин. И даже ученики-хувараки имели по 15 десятин земли каждый. Это «Положение» действовало до 1917 года.

Кыренский дацан. «Переход в буддизм» хата Буха-Нойона

В Тункинской долине распространение ламаизма пришлось на начало XIX века. Первый в местности дацан «Дэчин Джаргалинг» был построен в 1806 году в Кырене, расположенном на расстоянии 36,5 вёрст от Туранского горячего источника. Освящение и официальное признание дацан получил в 1817—1818 годах. Согласно буддистским правилам, в главном храме дацана цогчен-дунгане должно быть 1000 живописных и скульптурных изображений Будд. Требовалось время, чтобы после постройки храма выполнить необходимые работы. После освящения Кыренского дацана в нём проводились крупные молебны-хуралы. Они посвящались долголетию и благополучию в этой жизни, будущему перерождению, спасению душ умерших

от плохих перерождений, достижению рая Дэважин. Буддисты со всего Тункинского края съезжались в Кырен на празднование в честь Майдари, как буряты называют грядущего пятого Будду Майтрею. В Кыренском дацане с 1906 по 1910 год была художественно переписана священная книга буддистов «Эдэниин Ганжур» в 108 томах, собрание главных изречений Будды Шакьямуни, составляющих догмат буддийской веры. Для Ганжура была закуплена специальная чёрная бумага. Его украшали «девять драгоценностей»: бирюза, золото, серебро, лазурит, кораллы, жемчуг, медь, металл, раковина. Каждый том книги был трижды завернут в китайский шёлк. Огромный денежный вклад в издание «Эдэниин Ганжура» внесли местные буддисты-меценаты из числа богатых скотопромышленников и купцов. В 1910 году в дацане открылась богословско-философская школа цаннит, для которой к 1912 году выстроили большой дуган в честь Майдари. В первый год работы школы в ней учились 20 хуварак. В 1916 году школа насчитывала 200 учеников. [38, с. 245] В 1913 году был построен дуган Орошо, Будды Медицины, и в нём начала работать медицинская школа. Кроме дуганов, комплекс дацана включал дом для шэрэтэ и высших лам. Домики для остальных лам и учеников стояли за оградой монастыря. «Ещё издали ярко блестит на солнце этот монастырь – изящные здания китайского типа с приподнятыми углами крыши, украшенными шишками и харло, эмблемой буддизма в виде двух коленопреклонённых ланей по сторонам колеса, равносильной кресту в наших храмах. Монастырь огорожен стенами, – деревянным забором в виде квадрата, имеющими четверо ворот в стороны 4-х стран света», – описывал в начале XX века Кыренский дацан врач Т. К. Беляев, неоднократно посещавший его по дороге в Нилову Пустынь. [22, с. 23]

Жители улусов Тункинской долины и Саянских предгорий ежедневно молились в родовых войлочных дуганах. Но особо ревностные верующие каждые 8, 15 и 30 день лунного месяца, наиболее благоприятные для умножения добродетели, с утра пораньше отправлялись в Кыренский дацан. Утренний малый хурал начинался с удара в гонг. Сначала ламы трижды пели молитву, а затем начинали вращать один за другим молитвенные барабаны хурду. Пока они вращались, настоятель-шэрэтэ кланялся жертвенникам, касаясь их лбом, надевал полное облачение при помощи прислужников и садился на своё почётное место. Ламы принимали от него благословение, выражаемое в возложении на голову благословляемого «Книги трёх сокровищ Гусумтук» и пении «ключа закона». Данный обряд проводился только перед утренним хуралом, как введение в службу целого дня. Ежедневные малые хуралы включали слово-слово божествам и чествование их. Во время чествования богам делались подношения угощением и напитками, воскурения, подношение мандалы. Проводились ритуалы преодоления зла через обращение к гневным божествам. Очистительным омовением обращались к божествам высшим.

Во время службы ламы, за исключением блюстителей порядка, сидели. Звучало монотонное пение с постепенным повышением голосов. В патетических местах главный лама совершал руками ритуальные жесты. Быстрое вращение руками, захватывание воздуха и хлопок означало постоянную борьбу со злыми духами с помощью молитв. Сложенные ладони указывали на стремление удержаться от десяти чёрных грехов, коими являются умерщвление животных, присвоение чужого, порабощение грубой чувственностью, ложь, сплетни, осуждение, злоречие, зломыслие, зависть, презрительность. Поднятые согнутые руки ламы символизировали умиление. Распростёртые руки и растопыренные пальцы сообщали о благоговении и преданности. Молитвы утреннего хурала поимённо призывали на помощь всех божеств. На дневном хвалебном хурале прославлялись деяния богов-мироправителей и божеств, в чью честь совершался хурал. На вечерней службе благодарили богов и молились за живых и умерших. После молитв и песнопений читалась одна из священных книг в соответствии с обстоятельствами и заказами верующих таким образом, что каждому ламе доставался один из её фрагментов. [6, с. 117—119]

На каждом хурале проводился обряд аршиан. Его описание для людей, несведущих в буддизме, оставил архиепископ Нил Иркутский, возглавлявший Иркутскую православную епархию с 1838 до 1853 года. «Самый же обряд Аршиана совершается следующим образом: по окончании обычных молитвословий один или двое из младших лам отходят к жертвенному месту и там готовят Адис, т. е. пучки сушёного вереса с разными другими травами, и Аршиан – воду с примесью молока...

Аршиан подносится на блюдах участвовавшим в священнодействии, и они, начиная от последних до первого, дуновением своим освящают и воду и траву. А купно с тем, принимая от запаха сих веществ, и сами на себя дуют. Чин Аршиана, будучи краток, не лишён торжественности, доставляемой пением и музыкою. Почему и дают ему место на всех хуралах и гурумах. Воду же и траву употребляют, как духовное врачество, противу осквернения и стужений, претерпеваемых от злых духов». [Там же, с. 121—122]

В 40-х годах XIX века Тункинский край посетил доромбо-лама из Внутренней Монголии хубилган Галсан Содбо. В буддизме хубилганами, или перерожденцами, называются лица, в которых воплотились божества, сошедшие в мир людей в человеческом облике. Целью Галсан Содбо было проведение высших буддистских посвящений бурятских священнослужителей и укрепление авторитета ламаизма. В медитации доромбо-лама установил связь с шаманской сущностью хата Буха-Нойоном и получил его «согласие» на переход в буддизм. Теперь Буха-Нойон стал именоваться Ринчен-Ханом, а на его священной горе Белый камень в честь Ринчен-Хана воздвигли дуган. В дугане ламы поместили бронзовые статуэтки буддистских богов, иконы с их изображениями, поставили столик с семью жертвенными чашечками и начали проводить буддистские молебны.

Методы борьбы ламаизма с шаманизмом в XIX веке

В борьбе с шаманизмом ламаистское духовенство Тункинского края зачастую прибегало к помощи местных властей и полиции. По указанию высших лам полицейские арестовывали шаманов, сажали их под стражу в колодках, морили голодом. На священных местах шаманистов ламы проводили ритуалы отречения шаманов от своей деятельности, включавшие сжигание шаманской атрибутики и предметов шаманского культа. Священные шаманские могилы сжигались, и на их месте устраивались обо в честь ламаистских божеств.

Теперь не шаманы, а ламы проводили обряды всего жизненного цикла. На третий день после рождения ребёнка совершался обряд Милангор. На него собирались все родственники, и приглашённый лама-астролог по священной книге Джурхейн-лите определял судьбу новорождённого, жизненный прогноз, давал имя, определял защитников сахюусанов. В конце обряда он читал заклинания и молитвы по книге Великих Пяти Царей, гениев-хранителей буддизма, которые всё начинают и всё завершают, и составлял акт «для справок при разных обстоятельствах жизни». Пример такого акта приводит архиепископ Нил Иркутский в своей книге «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири»: «По неложному указанию Джурхейн-лите, рождение дитяти последовало: в стихии огня, под красным знаком, в год тигра, в месяц овцы, в день вепря, в час дракона; в сороковом отделе (муцу) суток; под влиянием десятой звезды; и поэтому новорождённому усвоится имя Демберел и пр». [6, с. 127—128] Обряд Милангор завершался пиршеством. Если семья ребёнка жила в достатке, то она оплачивала ламе проведение обряда в течение года. Тогда он ежемесячно посещал юрту и каждый раз читал главу книги Великих Пяти Царей, после чего снова пировали.

По 12-летнему буддистскому животному циклическому календарю ламы-астрологи определяли совместимость или несовместимость годов жениха и невесты, дату свадьбы, счастье семейной жизни. Для обнаружения неблагоприятных обстоятельств и способов их устранения буряты тоже обращались теперь к ламам-астрологам. К ламскому духовенству перешла

функция проведения общих защитных обрядов и обрядов на благополучие. Однако дошаманская обрядность, связанная с огнём, с эжинами жилища и хозяйства, с родовыми предками оставалась неприкосновенной, и обряды проводили уважаемые в улусах старики и старухи.

Ламы часто посещали улусы, где жили сильные шаманы, а народ придерживался шаманских традиций. Они собирали жителей в передвижных войлочных дуганах и рассказывали чарующую легенду о магическом превосходстве Будды над магией шаманов: «Шаманство в период последнего из пяти сотен перерождений Шигемуни (за тысячу лет до Рождества Христова) было всеобщей религией, имело писанный закон и многие магические книги. Представители этой веры шаманы держали в руках ключ к тайнам природы и с его помощью совершали разные превращения и чудеса. С ними был призван бороться Шигемуни в качестве посланника от верховного Будды. Всех приверженцев шаманизма ему полагалось привлечь в свою веру, но исключительно милостью и правдой, даром слова и чудесами. К нему стали стекаться мудрейшие люди, желая озариться светом нового учения и стать на путь счастливых перерождений.

Первым местом пребывания избранных стала область божественного хана, в лесах которого обитала птица Галиндига. Хан этой области по имени Об-гамби был ревностным последователем буддизма. Младший же брат хана был ярким приверженцем шаманизма. Окружавшие его шаманы его тешили и делали с ним, что хотели. Об-гамби, истощив все средства по вразумлению брата, решил опозорить шаманов и показать великую силу Тойона Годомы, как тогда называли Шигемуни. Хан устроил великий пир, поражающий своим гостеприимством. Распорядителем пира был назначен ханский брат, и он удостоил шаманов чести явиться на пир первыми и занять самые достойные места. Шигемуни почёл это за дерзость и так посмотрел на шаманов, что они заколебались, словно былинки, и очутились на задних рядах, отброшенные невидимой силой. Поскольку шаманов было шестьсот человек, то такое происшествие изумило всех. Но не самих шаманов. Они, окружив себя духами-помощниками, ринулись занимать прежние места. Но всё закончилось для шаманов неудачно. Слава победы досталась Шигемуни.

Всё пришло в порядок, и гости начали умывать руки. Шаманы поспешили к воде, чтобы смыть поношение и остудить жар в горле. Но вода словно каменела, как только шаман к ней прикасался. В довершении неприятностей все подносимые к ним блюда улетали, в то время, как последователи буддизма наслаждались прекрасными вкуснейшими яствами. Шаманы сидели окаменелые и недвижимые, а Об-гамби радовался, что его цель достигнута. Его брат и другие последователи шаманизма приняли жёлтую веру.

Шаманы бежали в пустыню и стали думать, как отомстить за позор. Тогда к ним явился легион духов-Шимнусов с предложением услуг в обмен на неограниченную покорность тёмному царству. Шаманы согласились. Из них были избраны шесть сильнейших, которые кроме собственных талантов представляли собой знатные роды, умевшие с древнейших времён хранить и возвращать шесть господствующих в мире зол. Собрав войско, шаманы, охраняемые Шимнусами, пробрались в местопребывания Тойна Годомы и напали на него. Земля затряслась под ногами Годомы, на его головой падал град и молнии, вокруг бушевали стихии. А он твёрдо стоял и посмеивался. Тогда шаманы предложили Годоме вступить в публичное состязание с представителями чёрной веры. Годомы согласился и начал готовиться к сражению. Но, к удивлению и шаманов и своих сторонников, он бежал вместе с 1200 последователями в область хана Лизей-ори. Там Годомы снова стал готовиться к бою, но за день до битвы ушёл в другую область, и так продолжалось множество раз.

Как-то раз, будучи приглашённым в общество ханов, после обеда Шигемуни воткнул в землю зубочистку, и она расцвела, превратившись в дерево с прекрасными плодами. Разумеется, все присутствующие принялись вкушать плоды, но не Шигемуни. Дальше Шигемуни посещал другие земли и совершал разные чудеса, всего пятнадцать. Люди стали восхвалять

Шигемуни, поклоняться ему и переходить из чёрной веры в жёлтую веру. После пятнадцатого чуда к Шигемуни явились два Тенгерина – Хормузда и Асури, явлением своим доказывая, что в делах Шигемуни принимает участие сам Будда. Шаманы, увлекаемые желанной местью, вместе с полчищем в шестьсот тысяч человек достигли Шигемуни в тот момент, когда он восседал на львиной шкуре и держал совет с Хормуздой и Асури. Все ханы заняли места в отдалении, желая в безопасности наблюдать за будущей битвой. Шигемуни не удостоил шаманов ни словом, ни взглядом. Он лишь дотронулся до львиной шкуры. Раздался рёв и грохот, из земли вышел огонь, появились гении в образе богатырей и ринулись на шаманов. Те бросились бежать, но перед ними возникла река и поглотила почти всех. Осталось двести шаманов и шаманистов из шестисот тысяч. Рассеявшись по миру, они послужили орудием сохранения чёрной веры». [6, с. 220—227]

Но, несмотря на все старания лам, буряты-ламаисты продолжали совершать шаманские обряды наравне с буддистскими. В конце XIX – начале XX веков православные миссионеры часто описывали встречи с тункинскими бурятами, собиравшимися в тайге для шаманских жертвоприношений: «Вколотивши 4 кола в землю, буряты положили на колья доски, сделавши из них подобие стола. Затем с языческими обрядами закололи барана таким образом, что вынули из него сердце живым. После того мясо съели, а кости животного сожгли на этом столе. В прежния времена, говорят, кожу жертвенного животного, барана или кобылицы, с головою и ногами вешали на деревья, а мясо и кости сжигали, чтобы угодить своим богам. А теперь буряты стали разчётливее и в этом отношении умнее. Мясо и кожи животных оставляют себе, а сожигают одни кости». [85, с. 25]

Ламаистские обряды для развития нравственных и духовно-религиозных качеств

Постепенно в сознании многих бурят-буддистов возникало желание самосовершенствоваться, расширять сознание, более глубоко проникать в принципы своей религии. Архиепископ Нил Иркутский в упомянутой выше книге описал пост и обеты, как наиболее востребованные в середине XIX века мирянами обряды по развитию духовно-религиозных качеств.

Пост

В ламаизме нет установленных временных периодов поста. Однако, каждый ламаист обязан поститься хотя бы один раз в год. Готовившиеся к посту верующие собирались в отдельном здании на территории дацана, слушали очистительную молитву, омывались, переодевались и проводили ночь в глубоком молчании. Утром приходил лама, давал наставления и брал с каждого клятву воздерживаться от чёрных грехов. Потом верующие общались с ламой, избранным для них в качестве духовного отца, и, при желании, ему исповедовались. (В буддизме нет обязательной исповеди). В течение первого дня поста разрешалось поесть один раз. На второй день запрещалось есть, пить (даже глотать собственную слюну) и говорить. В течение этого дня постившимся трижды читались длинные нравоучения, а они повторяли клятву воздерживаться от грехов. Наступившая ночь проходила в чтении молитв. На третий день лама читал молитву на разрешение вкушения пищи и на разрешение «открытия уст», и один раз разрешалось поесть. Трёхдневный цикл затворничества и голодания продолжался 16 дней. После каждых двух суток аскетам давали по чашке напитка из имбиря, корицы, шафрана и некоторых других трав и кореньев. Для слабых здоровьем время поста ограничивалось тремя днями, или разрешалось в течение 16 дней пить чай-мандзу (чай, смешанный с мукой). [6, 173—175]

Тем, кто хотел довести своё постничество до совершенства, полагалось иметь глиняную чашку, вмещающую 42 глотка пищи, что достаточно для насыщения человека. «Подвижник, не навлекая на себя никакого укора, вправе съесть в сутки по одной такой чашке. Но, по окончании трапезы своей, он должен опрокинуть сосуд на жёсткий камень и сделать им три оборота. Умалемый силою такого трения, сосуд превратится, наконец, в пластинку; но, вместе

с тем, и организм человека так перерабатывается, что для поддержания в нём жизни и силы достаточно будет нескольких капель». [Там же, с. 341]

Обеты

Входившие в буддистскую общину миряне и мирянки, принимая Прибежище в Будде, соблюдали пять обязательных обетов: не брать не принадлежащее тебе, не принимать опьяняющих веществ, не убивать, не лгать, не прелюбодействовать. Также они давали религиозные обеты в честь какого-нибудь случая, и эти обеты являли собой единовременный подвиг. Вместе с тем, были обеты, определявшие всю оставшуюся жизнь человека. Под бременем такого обета он мог изнемогать, но отказаться от его несения запрещалось. Поэтому их давали очень немногие. Вот несколько примеров подобных обетов.

Шимнанца

Обет девственности, которые давали женщины-буддистки, достигшие 60 лет. Они по своему рангу равнялись хуваракам (ученикам дацана), носили жёлтую или красную одежду, брили голову. Поскольку стричь волосы самим женщинам запрещалось, обряд совершался двумя ламами. Один из них, обычно хуварак, срезал волосы, а второй под звук колокольчика читал текст из обрядника. Срезанные волосы собирались на белом войлоке дочерью посвящаемой женщины. Впоследствии дочь или внучка вкладывала их в чехол для волос, удлиняя свои косы. После ритуала принятия обета шимнанца женщины продолжали жить у себя дома, в кругу семьи, но вся их жизнь проходила в постах и молитвах. [Там же, с. 176—177]

Православный священник, встретивший таких буддисток в 1884 году в улусе недалеко от Ниловой Пустыни, писал: «Здесь были некоторые пожилые женщины-бурятки, называвшиеся шабангасами, т. е. послушницами, потому, что давали обет быть послушницами языческой религии и лучше жить, чем живут прочие буряты. Эти женщины подстригают волосы под гребёнку и носят одежду ламскую. Некоторые из женщин носили через плечо красную ленту или пояс – это тахилдит, т. е. жертва, знак обета не есть падали и вообще нечистой пищи. Дающие этот обет получают от лам новое имя, и это имя называется чёрное имя – хара-нырип». [85, с. 12]

Дианчи

Обет подразумевал жизнь отшельника или бесприютного скитальца, ведомого любовью к ближним. Его давали как ламы, так и миряне. На первом этапе выполнения обета дианчи отрекался от мира и суетности всего земного. Второй этап состоял в изучении жизни и деяний известных в данной местности отшельников. На третьем этапе принималось непоколебимое решение жить и умереть одиноким скитальцем. Четвёртый этап знаменовал окончательный уход «в пустынь», будь то горы, пустыни, тайга. Теперь жизнь дианчи протекала по следующим правилам: не иметь никакого приюта, кроме гор и пещер; не носить никакой одежды, кроме священной; самых лютых врагов считать своими друзьями; холодную землю иметь вместо ложа и камень вместо подушки; не входить в жилые дома; умерщвлять свою плоть обузданием пяти чувственных желаний, вытекающих из пяти чувств; вести борьбу с пятью родами искушений, порождённых пятью стихийными началами, постоянно действующими на человека и желающими его поработить; молиться. «Пусть зверь разверзнет свою пасть или змея жалит пятую; пусть рушатся и падают над головой скалы или воды грозят потоплением. Дианчи не должен прерывать свою молитву, ни даже изменять своего молитвенного положения. Поститься, с каждым днём усиливая строгость воздержания, чтобы однажды дух вышел из тела и наслаждался полным покоем Алционы» [6, с. 177—179]

Домашнее почитание буддистских божеств

Теперь обратимся к описанию быта бурят-ламаистов окрестных с Ниловой Пустынью улусов. Оно дано в отчёте о поездке по Тункинскому краю в 1871 году иркутского архиепископа Парфения. «Какое разнообразие в костюмах и убранстве! Некоторые из... буряток

и детей носили на шее хахю-гон (охранитель) – род амулета. В этих хахю-гонах, или маленьких мешочках, даваемых ламами, защиты травы, коренья и записка, на которых ламы записывают разные тибетские слова. Девушки имели на голове много кос малых, а женщины две. Те, которые побогаче, носили в косах и на шее серебряные деньги – саган мунгу, а победнее – медные деньги зэн мунгу. Богатые бурятки носят часто и золотые монеты – алта мунгу... Мущины носят одну косу, в которую тоже вплетают какую-либо серебряную вещь или шёлковую кисть. Но огниво, табак, трубку и нож все носят, и мущины, и женщины....

Его Высокопреосвященчество и сопровождающие ему приглашены были в юрту отобедать. Юрта небольшого размера, построена многоугольником, посередине сделан очаг и над ним вверху отверстие в юрте для выхода дыму. Прямо возле дверей, которые всегда устраиваются на юг, для защиты от северного ветра, – к средней стене приставлен жертвенный стол ширэ шахиль с четырьмя ступеньками. На первой ступеньке стоят курильницы; на второй – свечи и жертвы. В жертвенных чашечках кладут муку, рожь, какое-то шитьё и другое. На третьей ступеньке в середине стоит ламский колокольчик с бурханом наверху. По правую сторону колокольчика стоит медный кружок, в середине коего есть выпуклость в виде четырёхугольной пирамиды с тремя ступеньками и площадкой наверху. По изъяснению бурят кружок означает землю, а выпуклость – священную гору Сумеру. Эту выпуклость богатые делают из драгоценного камня. Так как эта священная гора находится будто среди земли, то она заключает в себе центр всего земного бытия. Другой медный кружок, с левой стороны, означает небо. Каждый из этих кружков зовётся мандали.

На последней ступеньке или площадке стоят картинки бурятских божеств. Саган-убугун – белый старик. Шигэмуни с державою в левой руке. Здесь же висит мех, снятый с ушкана (зайца), для того, что, по мнению бурят, в юрте этот мех предохраняет детей...

Правая сторона в юрте считается почётною для гостей, левая сторона – хозяйская... На жертвенном столике лежит Дарзук, напечатанный на небольшом платке тибетскими буквами. Дарзук заключает в себе картинку воздушной лошади – Химорин, которая ногами попирает враждебных духов. На лошади лежит хурда – род круглой, цилиндрической, продолговатой машинки, на которой наклеиваются или надписываются, как говорить разные тибетские молитвы, особенно следующие таинственные слова: «ом-ма-ни-бад-ме-хом». Эти слова считается необходимым произносить как можно чаще. Чтобы избавиться от труда произносить их устами, богатые буряты имеют в юрте означенную хурду. Частое повторение хурды они считают равным частому произношению означенных таинственных слов. Слова эти, или, точнее, шесть этих слов, различно толкуют. Иные утверждают, что это начальные слоги шести главных божеств. Другие почему-то переводят их так: «О, драгоценность в мовенце!» А некоторые уподобляют их нашему «Господи, помилуй!» Воздушный конь, видно, исполняет обязанность непрестанной и самой сильной молитвы этими словами. Как бы в объяснение этого, буряты устрояют ветреные хурды, которые с ветром обращаются сами собою, вместо хозяев исполняют труд молитвы». [85, с. 18—22]

ЛАМАИЗМ В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Возведение Жалсана и дугана Бурхан-Баабай. Художник А. Е. Хангалов

С 1917 по 1922 годы положение ламаистской церкви в Бурятии оставалось довольно устойчивым. Выплата податей и отработка повинностей за штатных и нештатных лам продолжала лежать на прихожанах в соответствии с Положением 1853 года. Даже после ужесточения Советским государством налоговой политики дацанская администрация направляла требования о выплате подоходного налога в сельсоветы. Ремонтировались старые дацаны и дуганы, строились новые, в том числе дуган Бурхан-Баабай в 3 километрах от Ниловой Пустыни

и Хойморский дацан в селе Койморы. (Правопреемником Хойморского дацана сейчас является дацан «Бодхидхарма» в Аршане).

В 1918 году в Тунку приехал из Тибета лама Будон Лхарамба (Лхарамба – высшая учёная степень в тибетском буддизме). К тому времени все хаты Тункинской долины «приняли» буддизм. Только хат Шаргай-Нойон «оставался» приверженцем шаманизма. Шаманизм исповедовала и часть жителей улуса Хойтогол, расположенного недалеко от священной горы Хайрхан. Перед Будон Лхарамбой стояла задача ввести главного хата местности в буддийский пантеон, покончив с остатками шаманизма. Лама погрузился в глубокий сон и проспал три дня и три ночи. Проснувшись, он рассказал о своих поисках Шаргай-Нойона в его буддийской ипостаси, Бурхан-Баабая. На земле поиски оказались безуспешными, и тогда душа ламы вознеслась на небо, где он увидел великолепный дворец Бурхан-Баабая. Бурхан-Баабай не впустил ламу в свои покои, а выслушал его рядом с ними. Выслушав всё и обдумав, Шаргай-Нойон объявил о своём «переходе» в буддизм и позволил проводить посвящённые ему буддийские обряды у подножия горы Хайрхан. Одновременно хат запретил шаманизм от Турана до села Монды в 60 вёрстах от его горы. Бурхан-Баабай велел соорудить священный символ буддизма, Жалсан ургэл, высотой в 80 локтей восьмилетнего мальчика, заложить туда 9 наименований ткани, 9 наименований драгоценных камней, 9 наименований драгоценных металлов.

В селе Хойтогол жили два чёрных шамана, один белый Базар Зодобоев и очень сильная шаманка (одигон) Хулэрэйтеэбей. Было решено забрать все их шаманские атрибуты и сжечь в наиболее священном для шаманистов месте. Шаманка сильно сопротивлялась предстоящему ритуалу, но была сломлена. В назначенное время привели шаманов и собрали в кучу шаманские атрибуты. Будон Лхарамба объявил собравшимся жителям окрестных сёл и улусов, что как только он начнёт читать молитву, то с неба упадёт искра. Тогда все участники ритуала должны поджечь шаманские атрибуты. Буряты выполнили его указание. С того времени в местности было запрещено проводить шаманские обряды. Здесь перестали появляться шаманы, ибо Бурхан-Баабай не пускал в свои владения шаманский корень. Рядом со священной горой и на ней могли проводить обряды только ламы и старики «хада тахигша», совершающие тэнгрианские жертвоприношения.

В 1919 (1922) году у подножия Хайрхана возвели символ буддизма Жалсан. Он представляет собой высокий столб, на котором укреплен бочка. В бочке – буддийские книги и указанные Бурхан-Баабаям ткани, драгоценности и металлы. Дары подняли так высоко, чтобы Будда мог видеть их и наделять благами священное место. Жалсан устанавливали ламы Кыренского дацана. Кыренские ламы попросили тибетского гостя составить обрядник в честь Бурхана-Баабая. Когда Будон Лхарамба занимался обрядником, ему явился образ Шаргай-Нойона в боевом облачении. Этот образ лама зарисовал в своей книге. [116, с. 2] Рядом с Жалсаном поставили моленную-дуган в честь Бурхан-Баабая, ставшего сахюусаном, грозным защитником буддизма. Строили его местные буряты под руководством лам. При строительстве бурятских дуганов и дацанов старались не прибегать к помощи «иноземных мастеров», китайцев и халхасцев-монголов. Пусть буряты и уступали им в резном ремесле, качестве малярных работ, но намного превосходили в декоративном искусстве и изготовлении монументальных статуй и прочих религиозных храмовых объектов. В результате бурятские буддийские храмы имели нарядный, ярко-декоративный, жизнерадостный вид. [92, с. 82]

В 1923 году буддисты села Хойтогол отправили на Шумак односельчанина Базара Шагадурова с наказом привезти 4 подходящих камня для изображения божеств. Иконы были заказаны художнику Александру Ефимовичу Хангалову (1891—1958). В то время он приехал в Тункинскую долину писать этюды и жил в селе Койморы. Хангалову показали обрядник, где лама Будон Лхарамба зарисовал своё видение Бурхан-Баабая, и Александр Ефимович выполнил этот образ на камне масляными красками. Хангалов был одним из первых бурятских художников, имевших профессиональное художественное образование. Первые уроки

живописи он брал у учителя рисования Иркутской учительской семинарии В. И. Камкина. С 1907 года начинающий художник обучался в Читинском художественно-промышленном училище. С 1920 по 1921 год ему посчастливилось посещать рисовальные классы Академии художеств в Петрограде. С 1925 года живописец принимал участие в художественной секции организованного в 1922 году Буручкома, Бурят-Монгольского комитета по сохранению и изучению буддистских традиций. Буручком изучал историю, археологию, этнографию, языкознание, религиоведение и активно участвовал в формировании советской науки, медицины, образования и культуры. Его художественная секция отстаивала использование в культуре социалистической Бурятии «дацанского» искусства и «дацанского» наследия. Оно оценивалось как оригинальное, колоритное, необычное по своей яркости для европейцев, называлось «куском ценностей», необходимым для построения социализма. [16, с. 64—68] А. Е. Хангалов участвовал в республиканских, автономных, зональных художественных выставках. Его картины «Пейзаж» (1913), «Бурятский улус» (1920), «Тункинская семилетка» (1926), «Кыренский дацан» (1927), «Двое в степи» выставлены сейчас в Бурятском Республиканском художественном музее им. Ц. С. Сампилова, в Музее истории Бурятии им М. Н. Хангалова в Улан-Удэ и Краеведческом музее Иркутска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.